

Архивные материалы и публикации

УДК 82-1

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-198-256

А. В. Трушкина¹, **В. В. Нехотин**²

¹ *Независимый исследователь
Москва, Россия*

² *Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Иркутская «Барка поэтов» в архиве В. П. Трушкина

Публикация материалов из домашнего архива профессора Иркутского университета, исследователя сибирской литературы первой трети XX в. Василия Прокопьевича Трушкина (1921–1996).

Впервые публикуются неизвестные тексты четырех поэтов 1920-х: Игоря Славнина (1898–1925), Сергея Алякринского (1889–1938), Василия Преловского (1892–1938) и Михаила Имрея (Горина; даты жизни не установлены).

Все они входили в иркутскую литературную группу «Барка поэтов», фактически бывшую институтом адаптации предреволюционного русского модернизма к новым реалиям раннесоветской эпохи.

Ключевые слова: сибирская поэзия, поэты 1920-х годов, частные архивы, литературная группа, «Барка поэтов» (Иркутск), Игорь Славнин, Сергей Алякринский, Александр Блок, Василий Преловский, Михаил Имрей, русский модернизм, Василий Трушкин, Иркутский университет.

Довольно эклектичная как по составу участников (от недавних колчаковцев до краскомов 5-й Армии, от коренных иркутян до выходцев из европейской России), так и по стилистике своих поэтических текстов, иркутская литературная группа начала 1920-х гг. «Барка поэтов» впервые стала предметом систематического изучения в работах профессора Иркутского университета, ученика М. К. Азадовского, Заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Прокопьевича Трушкина (1921–1996)¹. В ходе этих многолетних исследований в домашнем архиве В. П. Трушкина отложился значительный массив материалов, связанных с «Баркой поэтов» и лишь отчасти, нередко весьма фрагментарно, представленный в его печатных публикациях.

¹ Библиографию избранных работ см.: [Трушкин, 2001, с. 438–441].

Трушкина Анна Васильевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь (Москва, Россия, annatrushkina@gmail.com)

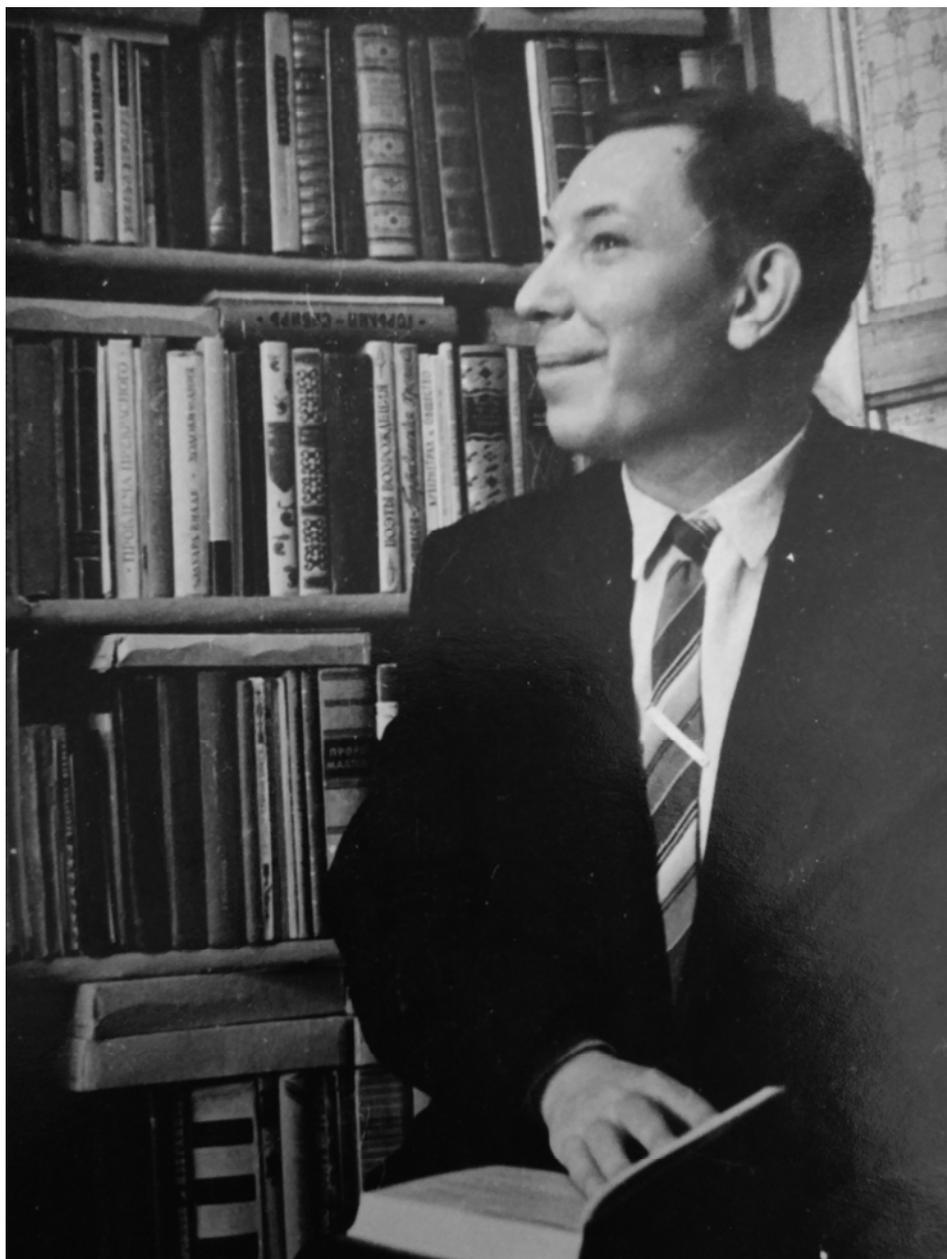
Нехотин Владимир Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН (ул. Поварская, 25А, Москва, 121069, Россия, nehotin@gmail.com)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 198–256.

© А. В. Трушкина, В. В. Нехотин, 2019

В. П. Трушкин (Иркутск, 1970-е гг.)
V. P. Trushkin (Irkutsk, 1970s)

В. П. Трушкин (Иркутск, 1950-е гг.)
V. P. Truschkin (Irkutsk, 1950s)

Одна часть этих материалов восходит к архиву самой «Барки», после распада группы переданному последним ее председателем Е. И. Титовым (1896–1938) приват-доценту Иркутского университета Льву Георгиевичу Михалковичу (1880–

1937)². Титов в письме от 5 декабря 1923 г. сообщал другому бывшему члену группы, В. М. Блюменфельду (1897–1978): «Я передал папку с архивом “Барки” Михалковичу, который пишет историю новейшей поэзии и нуждается в материалах по истории сибирской поэзии. Я сшил все протоколы, анкеты, объявления, стихи, пронумеровал и отдал. Если имеете что-нибудь против – отравитесь зубным порошком. Отдал во временное пользование и обязал в ватер не таскать», еще раз напомнив об этом несколько лет спустя, в письме от 7 мая 1926 г.: «Иркутская школа уже достояние архива. Я передал дела “Барки” приват-доценту Михалковичу в Иркутске. Его адрес: Луговая, 22» [Из писем Е. И. Титова, 2009, с. 197, 199]³. Насколько известно, после ареста (уже в должности сотрудника Иркутской научной библиотеки) и расстрела Михалковича эти материалы попали сперва к участнику «Барки» Андрею Владимировичу Шостаковичу (1900–1941), а затем к его племяннику, профессору Иркутского университета Болеславу Сергеевичу Шостаковичу (1945–2015)⁴.

По уже неясным сейчас причинам В. П. Трушкин не имел возможности называть современного ему хранителя этих материалов, охарактеризовав их следующим образом: «Автору этих строк посчастливилось обнаружить в бумагах, оставшихся после смерти преподавателя Иркутского университета Л. Г. Михалковича, целый ряд интереснейших материалов о литературной жизни Иркутска предреволюционной поры и первых лет революции. В частности, у него сохранилась значительная часть архива Гамалиила Степановича Гантимурова, первого писателя-эвенка, автографы ссыльного поэта Д. И. Глушкова-Олерона, машинописная копия книги стихов Сергея Алякринского “Кактус”, цикл “Стихов о России” Игоря Славнина, ранние стихи поэтов-илховцев⁵: Джека Алтаузена, Иосифа Уткина, Валерия Друзина», и специально уточнив, что «все стихи из бумаг Л. Г. Михалковича цитируются по машинописным копиям, хранящимся в настоящее время у автора книги» [Трушкин, 1981, с. 65, 67].

Представим здесь стихотворения входивших в «Барку поэтов» Игоря Славнина (1898–1925) и Сергея Алякринского (1889–1938).

² См. его выразительную характеристику в мемуарах Л. В. Арнольдова: «За последние два года в гимназии, в Иркутске мне посчастливилось попасть под духовное воздействие учителя, которому были близки и дороги те самые идеи, которые В. В. Розанов намечал еще в девяностых годах материалистического прошлого века. Розанов оставался, как и другие, мыслящим в том же направлении, непризнанным пророком в своем отечестве. Я говорю об учителе классической гимназии Л. Г. Михалковиче, о котором потом дошел до меня слух, что он, в годы революции, стал преподавателем Иркутского университета, а затем преждевременно скончался, пережив, конечно, страшную внутреннюю трагедию. До революции он был чужд руководящим идеологическим направлениям, господствовавшим среди русских интеллигентов. Среднее образование он получил в семинарии, высшее в историко-филологическом институте. Был учеником и страстным поклонником проф. Ф. Ф. Зелинского, преклонялся перед поэзией Владимира Соловьева, увлекался Иннокентием Анненским (“Кипарисовый ларец”), читал “Столп и утверждение истины”, журнал “София”, выписывал “Аполлон”, а до того “Золотое Руно”, но не был ни декадентом, ни символистом, ни акмеистом, был, прежде всего и всего больше, русским православным человеком, националистом без всяких иных прилагательных, хорошим педагогом, внимательным, снисходительным, чутким, отзывчивым, скромным...» [Арнольдов, 1935, с. 30–31].

³ См. также предварительный вариант этой же публикации: [«Я люблю Вашу прозу и корявый склад мысли...»...], 2008].

⁴ См.: [Шостакович, 2000, с. 5].

⁵ Члены так называемого Второго, или Нового ИЛХО (Иркутского литературно-художественного объединения), оформившегося в 1923 г. (первым ИЛХО считалась «Барка поэтов»).

Игорь Славнин

В. П. Трушкин неоднократно возвращался к творческой биографии Игоря Кронидовича Славнина (9 сентября 1898 г., с. Быньги Екатеринбургского уезда Пермской губ. – 13 июля 1925 г., с. Виловатое Самарской губ.) и подготовил две крупные подборки из его обширного, но до сих пор плохо систематизированного поэтического наследия (см. [Славнин, 1969; 1970]). Вынужденный уклон в «красную» сторону этого наследия (в особенности в: [Славнин, 1970]), на деле политически амбивалентного, лишь отчасти компенсируется републикациями и публикациями последних лет (см. [Третья столица..., 2011, с. 83–84; Поэзия Белой столицы..., 2016, с. 271–275; Поэты третьей столицы, 2018, с. 645–654]), а многое еще остается неизданным⁶.

Н. А. Мамонтов. Портрет Игоря Славнина. 1919. Бумага, карандаш. 16, 8 × 10, 1
(Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля)
N. A. Mamontov. Portrait of Igor Slavnin. 1919. Pencil on paper. 16, 8 × 10, 1
(The Vrubel Regional Museum of Fine Arts, Omsk)

⁶ В том числе программное стихотворение «Лицо заиграет румянцем, приласкает тело трико...» из записной книжки В. И. Преловского, которое В. П. Трушкин, по-видимому, не смог скопировать полностью и приводил не раз, но лишь фрагментарно, см.: [Трушкин, 1969, с. 139–140; 1976, с. 212].

Приводя несколько отрывочных фрагментов из цикла Славнина «Стихи о России», В. П. Трушкин сообщал, что всего в него вошло «семь стихотворений: “Русские”, “Круги в глазах”, “Удары плетью”, “Прыжок”, “Кинематограф”, “На рессорах” и “Точка”. Стихи эти нигде не печатались ни при жизни, ни после смерти поэта. Автору книги их удалось случайно обнаружить в бумагах ныне покойного преподавателя Иркутского университета Л. Г. Михалковича» [Трушкин, 1976, с. 226]. Машинописная копия⁷ цикла с карандашными поправками и пометами В. П. Трушкина открывается отдельным «титульным листом»:

Игорь Славнин
СТИХИ О РОССИИ
1922

Русские <слезы>

Улица лицами, коричневыми пятнами,
Звонками, рекламами, отравой витрин, –
Гул, гуд по проволокам – вперед, обратно
Небо плакатами – звездами пестрит.

Шуршат иступленные змеи трамваев,
На женщинах душные летние шелка, –
Говорят бульвары, сады оживают,
Еще долго в барах парам мелькать.

От цилиндров, от кэпи устанешь,
От синих, выбритых щек, –
Ах, опять, опять англичане
Еще, еще, еще.

Подойти бы к другому берегу,
Заглушить эту боль в висках, –
Сколько дней без конца «Tipperary»⁸
Тоска, тоска, тоска.

Губы грустью перекошены,
Это слезы, не вода, –
Хоть кусочек русской площади
Увидать.

⁷ Одну единицу с ней составляют машинописные копии трех стихотворений Славнина, опубликованных в читинских газетах: «Качай, раскачивай!» («Качай, раскачивай! звонкие мускулы...») (Дальне-Восточный телеграф. 1921. № 85, 13 нояб.); «По хребтам («Зачем быть изысканным, знающим, мудрым...»)» (Дальне-Восточный путь. 1922. № 38, 19 янв.); «Маленький фельетон: Размышления о меркулячьей судьбе («Сей сказ о черном вороне...»)» (Дальне-Восточный путь. 1922. № 44, 27 янв.).

⁸ Несколько раз переправлено ручкой, было: «Tipperary», «Типперэри»; рукой В. П. Трушкина приписано пояснение «Из песенки “Далеко до Типперери”». Имеется в виду солдатская песня «It's a long way to Tipperary» (1912, авторы Jack Judge, Harry Williams), чья популярность распространилась из британской армии и на колчаковскую Сибирь, ср. дневниковую запись Н. В. Устрялова в ночь с 6 на 7 марта 1919 г.: «Был в театре: – находящийся здесь английский батальон устраивал парадный “концерт с дивертисментом” в честь Колчака. Торжественно. ... Здоровый народ. Не прошибешь. ... Пели “типэрэри”, играли “Коль славен”, английский гимн, марсельезу» [Устрялов, 1991, с. 293–294], или поэму «Мэри из Владивостока» еще одного участника «Барки поэтов» [Венедиктов, 1923, с. 73–74].

Потому, что мы измучены,
Страшно столько лет молчать, –
Помолюсь-ка я на кучера
Лихача.

Потому, что больно мускулы
В пыль и пепел истереть,
Потому, что лучше русскому
Умереть.

22-2-22⁹

Круги в глазах

День остриями сабель наголо
Голову-солнце рукой палача –
Вы войной и какими-то красными флагами
Бредили по ночам.

Магазины пустыми витринами всхлипывали,
Улицы меркли гримасами лиц –
Потому что голодные мертвыми криками
Радугу замели.

Потому что сегодня открылись для брани
Губы, привыкшие целовать –
И Россия с упорством чеканила
Самые площадные слова.

На газете невнятными серыми буквами
В блеклой линейке строк –
На газете, цингой пристукнутый,
Умер весенний Блок.

Вы на камни комком, Вы пластом у часовни,
Синим, снежным пластом –
А дорога бугрится могилами ровными
И белками крестов.

Завтра день остриями сабель наголо
Голову-солнце рукой палача –
Вы войной и какими-то красными флагами
Бредите по ночам.

16.5.-22.¹⁰

⁹ Публиковалось ранее вне связи с циклом: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 33–34]. Список рукою А. С. Сорокина, где озаглавлено «Русские слезы»: ИАОО. Ф. 1073. Д. 553. Л. 114 об., в составе рукописного сборника малого формата «Антон Сорокин. У синей реки. Наивные песенки шута Бенесто. Омск 12 мая 1920», в конце которого на подшитых полноформатных листах записаны недатированные стихи с указанием авторства: «Игорь Славнин». Особенность рукописей А. С. Сорокина – почти полное отсутствие знаков препинания. Листы неровно оборваны, текст не везде сохранился полностью (указано Ю. П. Зародовой).

¹⁰ Публиковалось ранее вне связи с циклом: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 35–36]. Неполный список рукою А. С. Сорокина (обрывается на строке «Синим снежным пластом»): ИАОО. Ф. 1073. Д. 553. Л. 114.

Удары плетью

Королева, плетями исхлестана,
А глаза синевой живут –
На глухих, на ночных перекрестках
Тебя, Россия, зову.

Желтой тряпкой испуганный месяц,
Мертвым холодом тающий снег –
Мне сегодня по-новому весело
И по-новому страшно мне.

Звонче звонкий отчаянный колокол,
Ярче яркая звезд свеча –
Я весенние плечи с голодом
Обречен сегодня венчать.

Задыхаясь, молюсь молитвами
А грехов на спине кули –
По сугробам, по падам, по рытвинам
Донесешь ли свой благостный лик.

На глухих, на ночных перекрестках,
Той же синью глаза живут –
Королеву, плетями исхлестанную,
Тебя, Россия, зову.

*17-5-22*¹¹

Прыжок

Гнутся кривые линии,
До смерти еще вершок –
У меня душа совсем синяя
И ласковая, как пушок.

Дубиной по черепу стукнули,
Давно озвереть пора –
А мне еще хочется в куклы
И в солдатики поиграть.

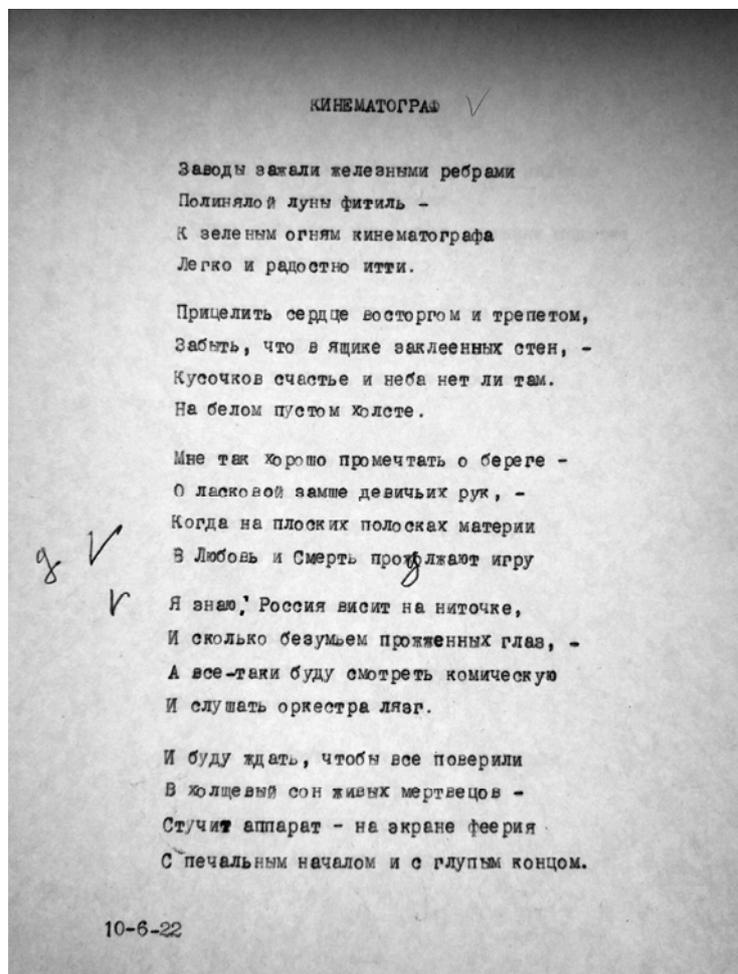
Бешеный конь Революции
Оборвал минут повода,
Неужели надо проснуться
И, может быть, голодать.

Разве мой неразменянный рубль
Такой же, как все рубли.
У меня еще учатся губы
Поцелуев кору дробить.

И душа еще греется, синяя,
Ласковая, как пушок –

¹¹ Две последние строфы – в списке рукой А. С. Сорокина: ИАОО. Ф. 1073. Д. 553. Л. 4 об.

Ломаются, гнутся линии,
Последний к Смерти прыжок.
20-5-22

Машинописная копия стихов И. К. Славнина с правками В. П. Трушкина
A typewritten copy of I. K. Slavnin verses with edits by V. P. Trushkin

Кинематограф

Заводы зажали железными ребрами
Полинялой луны фитиль -
К зеленым огням кинематографа
Легко и радостно идти.

Прицелить сердце восторгом и трепетом,
Забуть, что в ящике заклеенных стен, -
Кусочков счастье и неба нет ли там.
На белом пустом холсте.

Мне так хорошо промечтать о берегу –
О ласковой замше девичьих рук, –
Когда на плоских полосках материи
В Любовь и Смерть продолжают игру.

Я знаю: Россия висит на ниточке,
И сколько безумьем прожженных глаз,
А все-таки буду смотреть комическую
И слушать оркестра лязг.

И буду ждать, чтобы все поверили
В холщовый сон живых мертвецов –
Стучит аппарат – на экране феерия
С печальным началом и с глупым концом.

10-6-22

На рессорах

Убьют, или, может быть, веревкой задушат
Волосатые пальцы в крови.
Лучше в бархат пружинный вагонных подушек
Упругое тело вдавить.

Смотреть, как вечер в стекла бросает
Горошины крупных звезд.
Туннели тунелим, версты верстаем,
Мостим колесами мост.

А утром свежие дорожные лица
И запах каких-то чужих газет –
А утром далеко русская граница,
И сердце в купе и сердце везде.

На востоке рябое небо прибоем
Волосы солнца ждет развязать –
И вдруг золото, и вино голубое
Вьет и щекочет глаза.

Теперь мы другие, мы много простили,
Колесами пьем простор –
И я кусочек спаленной России,
Как икону, везу на Восток.

21-5-22

Точка

Не звенеть мне на арфе эоловой,
В сердце глубже и глубже игла –
Каждый вечер в зеркало голову,
И глазами в плесень стекла.

Не ловить, не поймать красных мячиков,
Стынут пальцы пергаментом дней –
Ночью Смерть за портьерами прячется,
Льнет невестой бескрылой во сне.

Нет России, – а кажется пели ей
Наши строки про вьюжный разгул –
Ждет седая, безумной Офелией,
Чьих-то ласк на пустом берегу.

Не обманет болотное олово,
Вязью тины могила легла –
Разбежаться – и в зеркало голову,
В неподвижную плесень стекла.

14-6-22¹²

Сергей Алякринский

В отличие от И. Славнина, связного представления о биографии Сергея Аркадьевича Алякринского (7 августа 1889 г., с. Орехово Владимирской губ. – 31 декабря 1938 г., Бухта Нагаева) долгое время не существовало. Его смешивали с однофамильцем, плодовитым автором цыганских романсов, также именуя «Сергеем Александровичем» [Александр Блок: Переписка, 1979, с. 2]; напрасно (хотя формально небезосновательно) подозревали в принадлежности к роду иркутских священников Алякринских¹³; уверенно указывали на его службу в колчаковской армии [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 50], включив его стихотворение в антологию белой поэзии [Белая лира, 2006, с. 319–321].

Некоторую ясность внесла лишь публикация (в составе обзорной справки о переписке Алякринского с А. Блоком) фрагментов его лаконичной автобиографии [Блок и «молодые поэты», 1987, с. 553, 555], которую мы приведем полностью:

Автобиография Алякринского Сергея Аркадьевича

1924, декабря 29.

Алякринский Сергей Аркадьевич:

Родился 7 августа 1889 г. в г. Орехове-Зуеве Московск<ой> губ. Окончил Юридический факультет Московского Университета в 1912 году. Стихи начал писать с 18 лет.

Поэтическое развитие начал под влиянием Александра Блока, которого считал своим учителем до 1912 года. Все что было написано им после книги «Ночные часы», меня уже не интересовало и этой книгой Блок для меня кончился.

1914–1922 г. носил военную форму, был и в боях. В настоящее время занят работой над темой о ликвидации романтизма и главным образом «блоковизны», как наиболее интенсивной его струи, в период 1904–1914 г. залившей умы и настроения интеллигенции, и далеко не изжитой в наши дни ни в литературе, ни в жизни. Тема, завладевшая мной, разрабатывается в прозе задуманным и пишущимся уже лирическим романом «Сердце и эпоха».

Изданы книги:

Цепи огней 1911 г.

Кактусы 1912 г.

Алякринский 29/ХІІ-1924.

Москва¹⁴.

¹² Публиковалось ранее с пометой «Из цикла “Стихи о России”»: [Трушкина, 2000, с. 2].

¹³ Одного из них, вполне подходящего по возрасту, звали Аркадием, его сын Андрей Аркадьевич, поручик I Восточно-Сибирского легкого артиллерийского дивизиона колчаковской армии, погиб 3 января 1919 г. в бою с партизанами у с. Перовское (ныне Партизанское, юго-восток Красноярского края) и был похоронен в Иркутске (Наше дело (Иркутск). 1919. № 21, 12 янв., с. 2).

¹⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 516. Оп. 1. № 4. Л. 1.

Сын заведующего¹⁵ Никольским начальным училищем при фабриках Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова Сын и К^о» (в обиходе просто «Училище Саввы Морозова»)¹⁶, С. А. Алякринский дебютировал в литературе лирическим фрагментом (в прозе) «Алое и белое»¹⁷, вскоре, к концу 1910 г., выходит первая книга его стихов¹⁸, спустя год или два – вторая¹⁹, представляющая собой исключительную библиографическую редкость.

На титульном листе (идентичном обложке) экземпляра «Кактусов» из собрания Л. М. Турчинского проставлен штамп «Для отзыва»; не исключено, что в продажу эта книга не поступала и ее необозначенный тираж был крайне мал. Примечательно, что здесь в перечне «книг того же автора» указана как готовящаяся еще одна, «Афоризмы и эпиграммы» [Алякринский, 1912, с. 2], – опыты в этом жанре сохранились и в машинописях из архива В. П. Трушкина.

Обе эти книги были замечены²⁰, но встречены довольно прохладно. Поощрительным исключением стал отзыв В. Нарбута²¹; характерно, однако, что современные его комментаторы называют Алякринского «в итоге, автором лишь одной поэтической книги» [Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич..., 2008, с. 270] – в следующие годы он надолго исчезает с литературного горизонта.

¹⁵ Аркадий Федорович Алякринский – выпускник Тамбовского Екатерининского учительского института, преподаватель (с 1875 г.) и заведующий (с 1893 г.) Никольским училищем, сын священника с. Меркутино Владимирской губ. Федора Григорьевича Алякринского († 1873). Меркутино (сейчас деревня в составе Октябрьского сельского поселения Вязниковского района Владимирской обл., состоящая из одной улицы) – место действия рассказа С. А. Алякринского «Огульное доение» (Новый мир. 1925. № 8. С. 40–51), довольно макабрического; ср. эпиграмму Н. Н. Минаева «С. А. Алякринскому», датированную «1926 г. 6 февраля. Суббота. Москва»: «Я тебе во имя смычки / Отдаю стихи сии; / Но прошу тебя, мой друг, / Не вгоняй меня в испуг: / По усвоенной привычке / Их огульно не дои!» [Минаев, 2014, с. 222].

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 1. Ед. хр. 37 (адрес на открытках, посланных в «Орехово-Зуево Владимир. губ.»). Основанное еще в 1864 г., училище в 1890 г. переехало в специально построенное четырехэтажное здание (современный адрес – Орехово-Зуево, ул. Саввы Морозова, 2), где под названием «школа № 3» просуществовало вплоть до второго десятилетия ХХI в. Подмосковный город Орехово-Зуево был образован летом 1917 г. в результате формального слияния фактически уже давно составлявших единое целое с. Зуево (Богородского уезда Московской губ.), с. Орехово и фабричного поселка Никольское (оба числились в Покровском уезде Владимирской губ.).

¹⁷ Отклики: Студенческий литературный сборник. Кн. 1. М., 1910. С. 57–58.

¹⁸ *Сергей Алякринский*. Цепи огней. М.: Тип. В. Копылова и М. Дмитриева, 1910. 64 с. (600 экз.). На обложке указан «1911», в сведениях о типографии – «1910». Оформитель обложки не установлен. В письме к сестре Надежде от 12 декабря 1910 г. Алякринский просит: «Кстати, напиши, что сделал Миша с моими книгами, отдал ли в магазин, и продаются ли они» (РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1).

¹⁹ *Сергей Алякринский*. Кактусы: Вторая брошюра стихов. М.: Тип. В. Копылова и М. Дмитриева, 1912. 64 с. (тираж не указан).

²⁰ См. подготовленный Р. Д. Тименчиком свод печатных и эпистолярных отзывов Н. Гумилева, В. Брюсова, Н. Мешкова и А. Блока: [Блок и «молодые поэты», 1987, с. 553–556].

²¹ «Самый интересный из семи – С. Алякринский. Если его притянет, подобно магниту, конкретность и если он молод, – от него мы вправе ждать веяния крыльев истинной поэзии – в будущем» [Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич..., 2008, с. 34].

СЕРГЪЙ АЛЯКРИНСКІЙ.

ЦЕПИ ОГНЕЙ.

МОСКВА.
1911.

Неизвестный художник. Обложка книги:
Сергей Алякринский «Цепи огней (М., 1910)
Unknown designer. "Chains of Lights", verses by S. Alyakrinsky.
Cover (Moscow, 1910)]

ДЛЯ ОТЗЫВА.

Сергѣй Алякринскій.

КАКТУСЫ.

ВТОРАЯ БРОШЮРА СТИХОВЪ.

Л. Турчинскій

1912 г.
МОСКВА.

Титульный лист экземпляра «Кактусов» из собрания Л. М. Турчинского (Москва)
The title page of "Cacti" (L. M. Turchinsky collection, Moscow)

На обороте надпись «25 января 1913 г. Смоленск. Сергей Ар. Алякринский». Шнур, которым обшиты погоны, указывает на статус вольноопределяющегося; справа на груди университетский знак (РГАЛИ)

In uniform of Russian Army volunteer. Inscription on the back:
"January 25, 1913 Smolensk. Sergey Ar. Alyakrinsky" (RGALI)

Уже в начале 1913 г., вскоре после окончания университета, Алякринский поступает на военную службу вольноопределяющимся, а вскоре начинается Первая мировая война. 31 мая 1915 г. прапорщик 16-го гренадерского Мингрельского полка Алякринский оказывается «оставленным на поле боя» у села Тухла / Тухло²², некоторое время числится пропавшим без вести, затем обнаруживается в «Offiziersabteilung des K.u.k Kriegsgefangenen Lagers Theresienstadt» (Офицерское отделение Императорского и Королевского лагеря военнопленных Терезиенштадт).

Точное время возвращения из австрийского плена и подробности службы Алякринского в Красной армии пока неизвестны. Как указывал его внук, переводчик О. А. Алякринский в датированной 30 декабря 1983 г. справке, составленной при передаче немногочисленных документов деда в архив, «После Октябрьской революции вступил в Красную Армию, служил в Иркутске в 1921—1922 гг. Там был активным членом Иркутского литературно-художественного объединения “Барка поэтов”, участвовал в коллективном альманахе объединения “Отзвуки” (1921). По возвращении в Москву вошел во Всероссийский союз поэтов, начал

²² Возможно, это закарпатское село Тухля.

Трушкина А. В., Нехотин В. В. Иркутская «Барка поэтов» в архиве В. П. Трушкина

писать лирический роман “Сердце и эпоха”, рукопись которого не сохранилась. В 30-е годы отошел от литературной деятельности, работал корректором в “Красной звезде”, в последние годы жизни преподавал русский язык и литературу в средней школе»²³.

На момент ареста 22 ноября 1937 г. С. А. Алякринский работал учителем русского языка школы № 65 Киевского района г. Москвы (незадолго до того, в 1935 г., построенной в Дорогомилово). 3 июня 1938 г. приговорен к 10 годам ИТЛ. 31 декабря 1938 г. умер в лагере на Колыме, возраст 49 лет, причина смерти: паралич сердца.

С. А. Алякринский. На обороте штамп «Фото-«Ренессанс». Арбат, 29»
и дата карандашом «15/IV 1927» (РГАЛИ)
Sergey Alyakrinsky. 15/IV 1927. There is a stamp on the back:
“Photo-“Renaissance”. Arbat, 29” (RGALI)

²³ РГАЛИ. Ф. 2871. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1.

* * *

Сохранившая в архиве В. П. Трушкина машинописная копия (на пятнадцати листах) обернута бумагой с надписью, сделанной его рукой: «Сергей Алякринский “Кактус”»²⁴. Источник данных сведений неизвестен (видимо, чье-то устное сообщение). Поскольку ни один из этих текстов не совпадает со второй из печатных книг Алякринского («Кактусы», 1912), перед нами, возможно, отражение замысла по ее радикальной переработке (если не просто библиографическая путаница).

Характерная особенность этой машинописи – систематическое употребление дореформенной орфографии в прилагательных женского множественного числа («руки нежныя», «зеленыя песни» и т. п.), присутствующее и в машинописи посланных Алякринским Блоку стихотворений (см. ниже)²⁵, и в списке «Отчетного сборника стихов группы иркутских поэтов на 1921 год» (находившемся у Б. С. Шостаковича). Это свидетельствует о высокой степени аутентичности копии из архива В. П. Трушкина:

I.

В камышах мы с тобой притаились,
Звездной дрожью недвижен зенит,
Только губы твоя мне открылись,
Только сердце над сердцем звенит!

Серебристая ночь нас объемлет
Лунной дремой сверкающих вод,
Для меня ты оставила землю<>
Запрокинулась вся в небосвод.

И с тобой одичало-безмолвный
Я – безводен, безумен, смятен.
Когда вдруг разыграются волны
Белопенной стихии рамен!..

II.

В душный полдень с тобой на пароме –
Места лучшего мы не нашли,
Где река в сладострастном изломе
Отделилась змеей от земли,

Процедить золотым поцелуем
Наши алчные клятвы в устах,
Чтоб на том берегу торжествуя,
Опрокинуться к небу в кустах.

И течет голубая прохлада,
И кричат, и кружат ястреба,
Облаков светлорунное стадо,
И в глазах потемневших – раба.

²⁴ Это же название приведено в одной из его книг, см: [Трушкин, 1981, с. 65].

²⁵ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1–15 («Письмо Алякринского Сергея Аркадьевича с приложением стихотворений. 25 июля 1921 г.»). Далее обозначаем эту единицу хранения как «список для Блока».

III.

Губы твои пахли липой,
Сеном – весенняя сени.
В келию пели ступени
Ласковым липовым скрипом.

Шепот дрожал у порога:
Ладан любви излучая,
Ты выходила<,> встречая
Чуть запоздавшего бога.

Людам являясь безгрешной,
В эти свиданья со мною
Ад разверзая кромешный,
Зналась с самим сатаною ²⁶.

IV.

Я не назвал тебя еще своею
И молнией страсти не сверкнул еще я над тобой,
Но пламенную мысль давно в себе лелею<,>
Что ты мне предана слепительной судьбой.

Что увожу тебя покорною и нежною подругой
В душистый сад<,> который снился в детстве мне<,>
Когда я засыпал на копнах вечеряющего луга<,>
А небо звездной дрожью надо мной дышало в тишине.

V.

Опьяненныя солнцем сердца
Вдохновенно нам пели в груди,
Что лету не будет конца,
Что счастье еще впереди.

На тебе дышало алое платье
И, зноем души изнемог,
Уводил я тебя на распяты
Лобызать исступление ног.

Но ты все брала землянику,
Лежала во мху у ручья
И, сердцем встречая владыку,
Ему не вручала меча.

Вернулись в старенький дом,
Сели вдвоем за рояль...
Свинцовая туча. И злобствует гром.
Накатилась слезами знойная даль.

На безмолвное сонное слово
В опрокинутый там небосклон<,>
Наклонявши надменную голову,
По воде посылал я поклон<,>

²⁶ Вошло в машинописный «Отчетный сборник стихов группы иркутских поэтов на 1921 год».

Ты ли это ко мне приходила<,>
Что недавно женой назвалась
И не зная<,> кого полюбила<,>
Навсегда, навсегда отдалась.

Думал я, что в высокий твой терем
Вниду стражем<,> рабом и любим,
Но теперь я узнал и уверен,
Что и здесь лишь простой пилигрим,

Что и дальше пойду одиноко<,>
Злобной памятью прежних утрат
Бьется вещее сердце пророка<,>
Им он так безраздельно богат.

I.

Ты поняла так жутко вдруг
Своим безумно-ярким взглядом,
Что я рожден для крестных мук –
И вот легла со мною рядом,

Жар восхищенья своего
На мне безмерно расточая.
Но первой страсти торжество
Как бы впервые замечая,

Я слишком был с тобой жесток –
Прости невольное смятенье:
Я много в жизни знал дорог,
А жил под гнетом заточенья

И в одиночестве раззык
Чужими в мир смотреть глазами
И только страстных рифм язык
Встречал я дрожью и слезами.

Теперь с тобой единый путь,
Путь верной гибели иль славы<,>
О возвращении забудь
И верь в мой гений величавый.

II.

Ты на волнах моей стихии
Ведь только белая ладья,
Но любишь рокоты глухие
Жестокой бури бытия.

В пучине злобы и упорства,
Коварства, сумрачных измен
Зову тебя в единоборство
Я звонким буйным пенем пен.

Стремнины страсти жгучей, жгучей,
Надежды якорь в глубине,
Гранит мечты моей могучей
Он властно держат там на дне.

И предана рулем усталым<,>
Падешь в слепую ярость вод
И ветром страсти одичалой
Девичий парус разорвет ²⁷.

III.

Луносинная поляна,
Дорога в сенное село
И сердце жадно<,> сердце пьяно
В твоём дыханье расцвело<,>

И колыбель твоих коленей
И равномерный скрип колес<,>
Перебегающие тени
Твоих распушенных волос

И первый жар прикосновенья
И запах меда и земли
И поцелуйных слов мгновенья
И сонный колокол вдали<,>

О, юность – дальняя дорога,
Дорога в мирное село,
А сердце немо и убого
В пустыне кровью изошло ²⁸.

IV.

Ужели и во сне я над собой не волен<,>
Что образ твой преследует меня,
Что гением своим я больше не доволен,
Что предан я любви твоей стихиею огня.

Уйди! Напрасно жечь меня своей любовью –
Я сам наш узел дней разсек,
Чтобы твоей девически-невинной кровью
Пресытился безразличный человек.

Глаза как стрелы,
Хочешь быть моей любовницей?
Пусть это смело <->
Ты же будешь всегда скромницей.

Я не обижу
Твоей головки тайно-грезящей <->
Все хорошо вижу
В дали тебе туманно-брезжущей.

С такой улыбкой
Все равно не минуешь участи пленницы<,>

²⁷ Впервые было опубликовано: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 8].

²⁸ Впервые было опубликовано: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 7] с разночтениями («Луносинная поляна», «Твоих распушенных волос»).

В судьбе зыбкой
От этого ничего не изменится.
Иль скажешь<:> <<>рано,
Немножко молода и подумаю<>>,
Боишься обмана
И не веришь в золотую звезду мою?
В глаза смотри мне <-->
На уверенья у меня нет времени<,>
Кто будет петь тебе гимны<,>
Тот поступит наверно подлей меня.
Подойди ближе <-->
Как сердце мое звучит вдохновенное,
Горами движет,
Усмиряет пучину морскую пенную.
Дай же руку –
Назови милым богатырем-царевичем<,>
Узнаешь по звуку<,>
Куда я отчалю и разверну твой парус девичий ²⁹.

Ты была такая белая,
Лазурная, небесная, несмелая –
Я же совершенно серый,
Зернисто-серый исполин.
Глаза твои – две ягоды –
Простые, быстрые и ясные
По-девичьи боялись много спрашивать
И было жаль тебя разгадывать.
Билетик с номером закрылся пелеринкою
И мне хотелось самому его поправить.
Ах, ты была такой божественной картинкою,
Что было бы грешно с тобой лукавить.
Воздушный вальс...
И руки нежные мне пели «сжался».
Мгновенно-милые сны юности беспечной,
Мгновенно-страшные, как вечность.
Ты была такая белая,
Лазурная, небесная, несмелая,
Но, как и все, поймешь лишь отцветая,
Что Любовь – Святая ³⁰.

²⁹ Вошло в список для Блока (л. 7), где от руки проставлена датировка «Декабрь 1920», разночтение в строфе 1 («Ты ведь всегда будешь скромницей» вместо «Ты же будешь всегда скромницей») и значительно более упорядоченная пунктуация (которую восстанавливаем по списку для Блока). Это стихотворение вошло в «Отчетный сборник стихов группы иркутских поэтов на 1921 год».

³⁰ Это стихотворение вошло (с незначительными пунктуационными разночтениями) в список для Блока (л. 5), где сопровождается рукописной датировкой «Ноябрь 1920».

Я пытался тебя украсть,
Когда ты цвела в саду –
Живя в безысходном аду,
Хотел тобой жизнь украсить.

Загорался ликующий день,
Я слышал уж твой аромат,
Но кто же в том виноват,
Что кончилось скоро цветенье,

Что ты успела обрость
Шипами усталых уст.
И этот терновый куст
Пришлось безжалостно бросить
И сделать простую трость.

Свиток сумерек оснеженный
Расстиляет звездный сказ,
За тобой иду онеженный
Ярой парой ягод-глаз.

Стонет поступь огнекрылая –
Ранний саван вдоль пути,
Хочешь<> вместе будем<> милая<>
Страстный крест с тобой нести.

Для меня все ночи звездныя,
Жизнь мне всякая любя
И не раз бывал над бездной я<>
Но не знал страстей раба.

И теперь тебя преследую,
Может быть, чтоб погубить
И рифмованной победою
Навсегда приголубить.

Ржавой жутью жизни сжатые
Огробевшие дома
Навязались в провожатые<>
Страшной молчью дышит тьма³¹.

В кровавом грохоте ревущего сраженья
Изступленную твою я поступь уловил –
Это ты рвала шрапнель без сожаленья
И град гранат твоих мне жилы леденил.

Прожорливые жорла богохульства изрыгали,
Зигзаги молний драли в клочья тьму
И ядовитой похотью объятья неба разжигали,
А ты велела смерть встречать мне одному!

³¹ Правки синим карандашом в строфе 2 (было: «Снежный саван вдоль пути») и в строфе 4 (изменен порядок слов, было: «И тебя теперь преследую»).

Я долго на земле лежал уже распятый,
Остыл железный ужас вражьих сил.
Зачем же бич твоей Судьбы проклятой
Любовью ненасытной сердце воскресил? ³²

Часовня-башенка.
В полу есть трещина
Здесь в Благовещенье
Утонула монашенка.

Помню, помню,
Как это было <-->
В голубую часовню
Ты приходила.

Голубая – под горкой,
Где сырая низина,
Где пахнет горкло
Ржавая тина,

В ажуре небеси
Слюдытся стрекозы,
Зеленые песни
Лепечут березы.

Укрылся колодец
Под ветхий купол,
С икон богородиц
Ладан уплыл,

Линялые лики
Со взглядом кукол,
И венчик гвоздики
Искуску баюкал.

Мое ожиданье
Должно быть недолго,
Спеши на свиданье,
Моя богомолка.

И ты услышала,
Спустилась в черном,
Благовещала
Сделать покорным.

Сначала мы пили
Живую воду,
Всю замочили
Святую колоду.

³² В строфе 3 тем же синим карандашом переправлены строки 1 и 3 (было: «Я на земле лежал давно уже распятый» и «Зачем же бич такой Судьбы проклятой»). Вошло в список для Блока (л. 8) с проставленной от руки датировкой «Январь 1921 г.», с разночтением в строфе 2 («И ярой похотью объятья неба зажигали» вместо «И ядовитой похотью объятья неба разжигали»).

В колодце срубы<,>
Должно быть<,> гнили,
Чьи грубые губы
Тебя погубили.

Тоска мне на камне,
На приступ ступени
Ты принесла мне
Все изступленье.

Потом не помню
Ни одной иконы –
В душе были сломаны
Все законы.

Под визгом плетки
Сняла ты рясу,
Порвала четки
И вспенила пляску.

Так вот как жгутся
Холодные плиты –
Тела не сорвутся<,>
Когда перевиты.

В небе открылись
Земные щели<,>
Черти возились
В святой купели.

Вода кипела
И стала красной,
И грешное тело
Боролось напрасно.

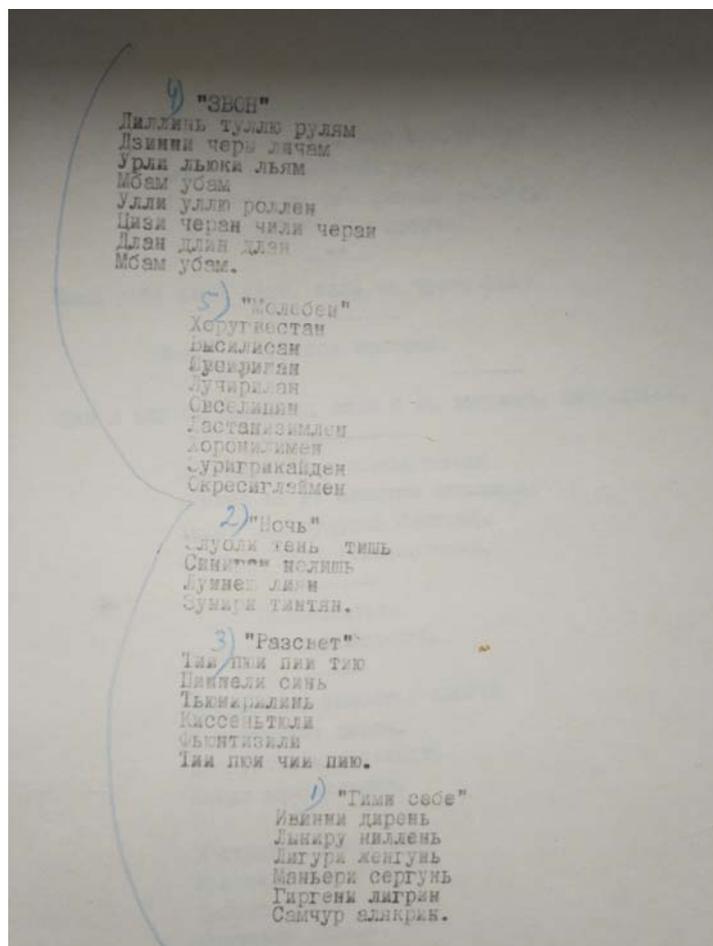
В монастыре звонили,
Но я не слышал,
Так долго хоронили,
Что ладан весь вышел.

Почувствовав ноги<,> –
Их было четыре –
Хвостатый, двурогий
Я шел в монастырь и

Часовня-башенка
Скрылась в трещине,
Говорят, в Благовещенье
Утопилась монашенка.

13-ХII³³

³³ Вошло в список для Блока (л. 6 – 6 об.) с заглавием «Часовня-башенка» и с рукописной датировкой «13-ХII-920 г.», впервые опубликовано по этому списку: [Белая лира..., 2006, с. 319–321]. Среди разночтений: в строфе 3 – «И прогоркла» вместо «Где пахнет горкло»; в строфе 6 – «С глазами кукол» вместо «Со взглядом кукол»; строфы 7–8 в списке для Блока отсутствуют; вслед за строфой 6 в нем идет строфа 11 («Тоска мне на камне...»); затем – строфа 10 («В колодце срубы...») с разночтением во втором стихе («Цвели и гни-

Машинописная копия стихов С. А. Алякринского из архива В. П. Трушкина
A typewritten copy of S. A. Alyakrinsky's verses from V. P. Trushkin archive

«Гимн себе»

Ивинни дирень
Лыниру ниллень
Лигури женгунь
Маньери сергунь
Гиргени лигрин
Самчур алякрин.

ли → вместо «Должно быть<,> гнили»; впрочем, в копии В. П. Трушкина возле этого стиха впечатано «(цвели и...)» и строфа 9 («Сначала мы пили...»); далее (со строфы 12, «Потом не помню...») порядок строф идентичен; в строфе 14 – «С своей орбиты» вместо «Когда перевиты»; в строфе 16 – «А грешное тело» вместо «И грешное тело». В более близкой к списку для Блока редакции это стихотворение вошло в машинописный «Отчетный сборник стихов группы иркутских поэтов на 1921 год».

«Ночь»

Злуоли тень тишь
Синиран нелишь
Луннею лиян
Зунири тинтян.

«Рассвет»

Тии пюи пии тию
Пиинели синь
Тьюнирилинь
Киссеньтюли
Фьюнтизили
Тии пюи чии пию.

«Звон»

Диллинь туллю рулям
Дзиини черы личам
Урли льюки льям
Мбам убам
Улли уллю роллен
Цизи черан чили черан
Длан длин длэн
Мбам убам.

«Молебен»

Хоругвестан
Высилсан
Лучирилан
Овселипян
Ластанизимлен
Хоронилимен
Зуригрикайден
Окресиглаймен³⁴.

Ах, Ваша грудь –
Небесный купол, мир и... Глобус
Цветет для пламени греха
И, если б не моя святая робость,
Я б подпустил Вам петуха!³⁵

³⁴ Синим карандашом изменен порядок стихотворений этого глоссолалического цикла (впервые опубликован: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 9–10], с разночтением: «Скресиглаймен» вместо «Окресиглаймен»).

³⁵ Это и все следующие стихи и фрагменты относятся к жанру «Афоризмы и эпиграммы» (как предполагалось назвать неизданную третью книгу стихов Алякринского [1912, с. 2], хотя последнее из них, с упоминанием сибирских реалий, явно написано позже).

Архивные материалы и публикации

Сама себя раба жнет, коль не чисто бьет.

Мое Я – сгусток времени.

Как я мог бы злиться, если б Вы вздумали околдиться.

Вся жизнь моя кинематограф
И жанр ее не слишком скромный,
Тебе, мой будущий биограф,
Задам я труд головоломный ³⁶.

Облокотиться
Облако катится.

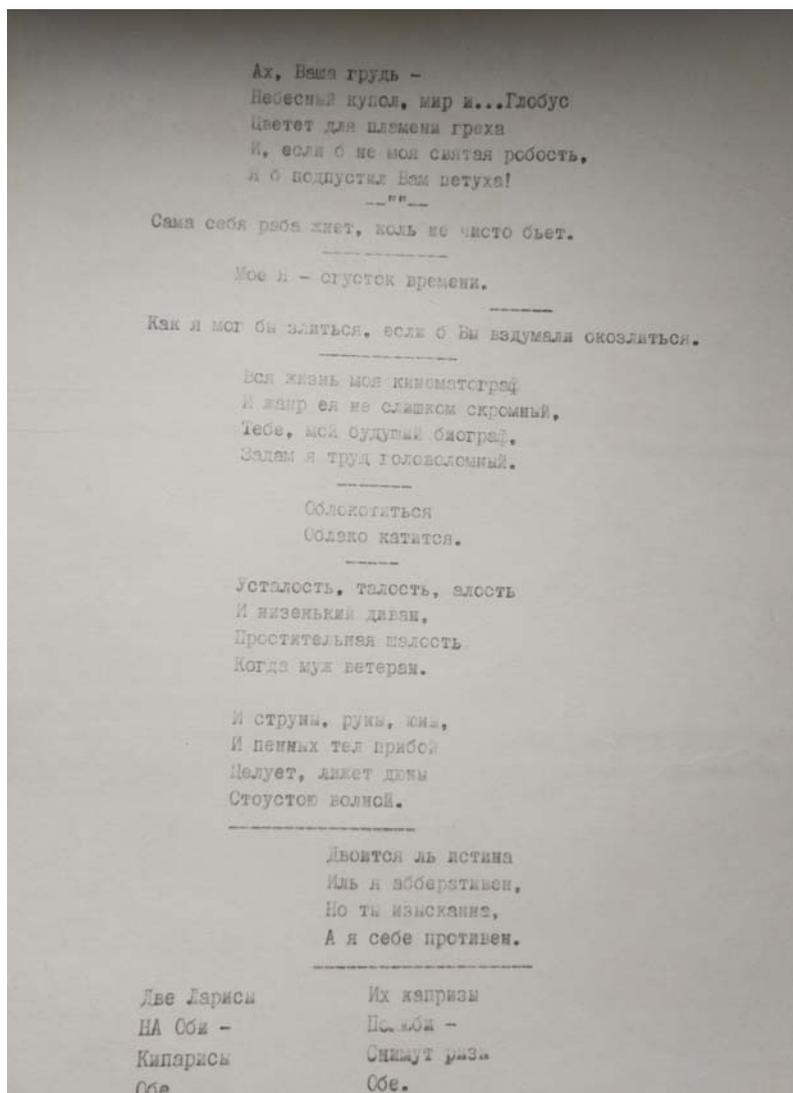
Усталость, талость, злость
И низенький диван,
Простительная шалость
Когда муж ветеран.

И струны, руны, юны,
И пенных тел прибор
Целует, лижет дюны
Стоую волной.

Двоится ль истина
Иль я абerratивен,
Но ты изысканна,
А я себе противен.

Две Ларисы	Их капризы
На Оби –	Полюби –
Кипарисы	Снимут ризы
Обе<,>	Обе.

³⁶ Эта эпиграмма была опубликована ранее [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 11].

Машинописная копия стихов С. А. Алякринского из архива В. П. Трушкина
A typewritten copy of S. A. Alyakrinsky's verses from V. P. Trushkin archive

Приложение 1

Стихи, присланные А. Блоку

Вопреки утверждению в позднейшей автобиографии Алякринского о потере интереса к Блоку после 1912 г., их эпистолярное общение только начинается (либо начинает прослеживаться³⁷) лишь с последней предвоенной весны. Из отправленного семь лет спустя письма, предваряющего подборку стихов Алякринского,

³⁷ Ответ Блока (от 12 апреля 1914 г.) на утраченное письмо Алякринского (по-видимому, приславшего Блоку для отзыва свои «Кактусы» 1912 г.) опубликован Р. Д. Тименчиком: [Блок и «молодые поэты», 1987, с. 555–556].

в числе прочего виден круг его занятий в Иркутске (предполагавший и командировки в Москву ³⁸):

Иркутск 25 июля 1921 г.
Глубокоуважаемый Александр Александрович!
Посылаю обещанные мной Вам свои стихи. В Москве на Вашем вечере весной.
От Вас хочу слышать не только о них, но и о Вашем здоровье, состояние которого удерживало меня тогда вступить с Вами в более длительный разговор.
Сергей Алякринский
Мой адрес: Иркутск, Медведниковская ул. № 27 ³⁹.

На конверте: «от С. А. Алякринского. Штаб 5 Армии. Оперативное Управление» ⁴⁰.

Список для Блока – машинописный, однако все датировки в нем проставлены от руки; четыре стихотворения, присутствующие в копии В. А. Трушкина, нами опущены (с указанием их места в списке для Блока, выстроенном хронологически):

Апрель.
Прель.
Весна –
Радовесть от сна.
Свирели
В теле.
Жаворонки прилетели.
Журк, журк –
Ручей,
Ажур
Лучей.
Фиолетовый снег,
Солнце позаранится.
В поле Божий Человек,
Земля Божья Данница.
1919 г. ⁴¹

Тик... кап... чок...
Неумолимый счет
Моих минут тяжелосекундных
Стекает в Вечность.
Тик... кап... чок...
Поэт, не это ль над тобой насмешка,
Что, страсти грудь набороздив,
Обуглив сердце,
Покидают труп
Безпламенно.

³⁸ Упомянутый «вечер весной» – одно из майских выступлений Блока в Москве.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1. Еще в 1920 г. Медведниковская была переименована в ул. Халтурина, но, судя по письму, новое название тогда еще не прижилось.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Список для Блока. Л. 3. *В поле Божий Человек* – день памяти прп. Алексея, человека Божия приходится на 30 марта по новому стилю.

Тик... кап... чок...
Слеза водопроводных труб
Чеканит раковину каменно.
1919 г.⁴²

Глаз твоих не помню
Только лилию тела –
Там на каменоломне
Она желтела.

Струили березы
Наступленье лета,
В голубой воздух
Ты была одета.

Приходил на камни
Помечтать о родине,
Много, много сравнивать,
Думать, на что годен я.

Эхо насмехалось,
Зубоскала скалами,
Только лилии жалость
Расцветала мне.

Жутко на чужбине
Плакать глупым сердцем
Верной Коломбине
Гимны страстотерпца.

Глаз твоих не помню<,>
Только лилию тела,
Оно несло меня
Куда хотело.
Февраль 1921 г.⁴³

Сердце ударило в бубен,
Застонала шарманка,
Безудержный зуд буден,
Волторн перебранка!

Каучуковый человек чертит
«Сальтоморталь» на трапедии,
Чуют черные черти
Запах человеческой специ.

⁴² Список для Блока. Л. 4. *Что, страсти грудь набороздив* – вероятная пунктуационная описка; скорее следовало бы «Что страсти, грудь набороздив». Далее в списке для Блока следуют стихотворения «Ты была такая белая» (л. 5), «Часовня-башенка» (л. 6 – 6 об.), «Глаза – как стрелы...» (л. 7) и «В кровавом грохоте ревущего сраженья...» (л. 8).

⁴³ Список для Блока. Л. 9.

Хлопком приклеена звонко
К размалеванной роже рыжаго
Пощечина балерины – ребенка
Голо-нагло-безстыжаго.

Пантомима гвоздь сегодня,
Разверзлась арена,
Королева оказалась сводней,
Проститутка царевной.

Зубоскалят аршинно афиши:
«Интерес и ужас обеспечен!!!»
«Завтра полет с крыши!!!»
Кто будет искалечен?

Браво, долой, довольно!
А все-таки жалко:
Тому ведь больно,
Кого бьет палка.

Лопнули нервы молний,
Щурят зрачки лампионы,
Сбор, как всегда, полный,
Помпезны всегда чемпионы.
*Февраль 1921 г.*⁴⁴

Солнце июлит
И юлит,
Золотые пули льет.
Шины перешептываются,
Шоссэ наматывая,
Камешки шарахаются.
Агатовые
Глазки закатывая,
Ящерицы шурятся.
Щебечет щебень.
На полях молебн.
Пчелки-монашки
Реют по струнам
Золотистой лютни
С благовоньем кадилъниц
Медуницы и клевера.
Берега атласны
Бирюзовой реченки,
Слишком красны
У встречной девченки
Губки
И причастны,
Высосать готовы

⁴⁴ Список для Блока. Л. 10. «Волторн», «Сальтоморталь» – авторские написания. Тройные восклицательные знаки проставлены от руки.

Кубки
Вина золотого
Июля.
За поворотом год.
Застегивай ворот,
Делай лицо гордое,
Полный ход!
Февраль 1921 г.⁴⁵

Ты, милая деточка, сказала,
Что счастье из кубиков строится.
А у вокзала видала –
Рыдает Богородица.
Кубик за кубиком складываются рельсы
Детской пухлой ручкой,
А воздух апрельский
Вьется по улицам сучкой.
Пусть мчатся рычащие авто,
Эластично рассорясь в кичливой спеси,
Забывая, что я автор
Самонежнейших песен.
Чья ты, <,> нарядная милая крошка?
Слышишь ли мое благословенье?
Посмотри в окошко
На одно лишь мгновенье.
Хочешь, чтоб я стал твоим папой
И увез с собой в заморския страны,
Где забавные ходят арапы,
А воздух полон сказок странных.
Здесь ты скоро забудешь Богородицу,
Рыдающую у вокзала,
Когда счастье твое будет строиться
В комфортабельных залах.
Март 1921 г.⁴⁶

Сиреневая сень
Над нашим изступленным садом.
Лап солнца золотых надсада
И губ твоих пылающая рдень.
Неугасимая лампада.
И рук щемящая услада.

⁴⁵ Список для Блока. Л. 11. *Ящерицы щурятся* – ср. «Ящерицей щурится лесенка» у другой участницы «Барки поэтов», Нины Хабиас (в стихотворении 1921 г. «Снова синий Господи...») и в его позднейшей подцензурной версии «Ящерицей щурится лесенка...»: [Оболенская (Хабиас), 1997, с. 76, 88, 131]).

⁴⁶ Список для Блока. Л. 12.

Коленопреклонень
В ласкающую лень.
Лилия ликующей плоти
Горит в позолоте,
В зацелованном бедр киоте!

000000

0000

Май 1921 г. ⁴⁷

На парус резвости твоей девичьей
Страсти я бросил шквал,
А сам с лицом безразличным
Снасти на корабле убрал.

Какое алчное мечты величье
И милый лица овал –
Сам Данте у своей Беатриче
Такого не воспевал.

И жду<,> что принесет мне буря,
Бью в сердца твоего трюм,
Твои первыя волны хмуря,
Сам еще все угрюм.

Когда ж тревожно затрепещет парус<,>
Ища защиты мощных рук<,>
Стихий последнюю смиряя ярость,
Спасательный брошу круг.

Июнь 1921 г. ⁴⁸

Я знаю всегда слишком много заране –
Когда тронется лед,
Когда воды пойдут на убыль,
И какие цветы зажигают желанья,
И кому первый мед
Принесут ало-девичьи губы.

Я с детства люблю эту нежность сирени –
Изступленье весны,
Так ли понял я цвет Вашей шляпы?
Я же пламенно-желтый, весь в вечном горении
Огневой Купины
От себя отстранять жизни грязные лапы.

Один против всех! Видеть счастье желтым,
Своим цветом гореть,
Быть во всем на других непохожим,
И гордиться, что солнцем расцвел ты,

⁴⁷ Список для Блока. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Л. 14. *Ища защиты мощных рук* – переправлено из «Тебе защита мощных рук».

И с улыбкой смотреть
Снисходительно в рожи прохожих.
Я мечтаю теперь о сиреновой неге –
Слишком зноен мой путь,
Но предчувствуя счастья прохладу,
Слышу<,> как прорастают побеги
В мою алчную грудь
Лишь от Ваших случайных сиреневых взглядов.
*Июль 1921 г.*⁴⁹

Приложение 2

Научи меня быть приветливым,
Научи меня быть нежным,
Пусть судьба бьет встречными ветрами,
Наше счастье будет безбрежным.

Мы не пойдем большими дорогами –
С нас довольно будет тропинок,
Заночуем где-нибудь под стогом
И я улягусь у твоих ботинок.

Ведь ты у меня и ночью бесстрашная,
Звезда внезапная на моем небосклоне,
И жизнь ненужная, всегда вчерашняя
Двоим нам будет вдвойне благосклонна.

И утро откроет купель бирюзовую,
Солнце возложит венцы золотые
На наши простые немудрые головы,
Мы только друг другу будем святы.
1921 г.

[Отзвуки, 1921, с. 12]

Ты после бала снимешь маску.
Я буду нежен, как Пьеро,
И старую расскажет сказку
Нам старый сказочник Перро.

Под поцелуями бледнея,
Ты вспомнишь бал далеких лет –
Тебе опять достала фея
Из тыквы бальный туалет.

Но в раззолоченной карете
Так рано не покинешь нас,
При сказочном волшебном свете
Назначенный пропустишь час.

⁴⁹ Список для Блока. Л. 15.

Архивные материалы и публикации

Когда все ярче и пестрее
Рассыплет фейерверк огни,
Мы в дальней стриженной аллее
С тобой останемся одни.

И где-то будет плакать томный
Гавот галантного Люлли,
И мы познаем ночью темной
Хмельные радости земли.

И станут тесными объятья,
И, как красавицу в лесу,
От тяготевшего проклятья
Тебя я в эту ночь спасу⁵⁰.

Другая часть материалов «Барки поэтов» попала к В. П. Трушкину через Анатолия Васильевича Преловского (1934–2008), в будущем советского поэта, а на рубеже 1950–1960-х – участника литературного кружка при редакции многотиражной газеты «Иркутский университет», которым В. П. Трушкин руководил. Начав заниматься историей сибирской литературы во второй половине 1960-х, в ходе работы над своей докторской диссертацией «Пути развития литературного движения Сибири (1900–1932 гг.)» (защищена в 1970 г., это три тома, по 500–600 машинописных листов каждый), В. П. Трушкин изучал периодику, материалы из государственных и домашних архивов, завязывал дружбу (вылившуюся в многолетнюю переписку) с живыми свидетелями той эпохи и их потомками.

В центре В. П. Трушкин, над ним А. В. Преловский (слева В. В. Киселев, справа Е. В. Жилкина и П. И. Реутский). Конец 1950-х гг.
V. P. Trushkin (in the center), A. V. Prelovsky (above him), V. V. Kiselev (on the left),
E. V. Zhilkina and P. I. Reutsky (on the right). Late 1950s

⁵⁰ Опубликовано по автографу на отдельном листе, находившемся у Б. С. Шостаковича: [Трушкина, 2000, с. 3].

В 1970-х гг., собирая материалы по «Барке», В. П. Трушкин обратился к А. В. Преловскому с просьбой поработать с архивом его отца, расстрелянного иркутского поэта Василия Ивановича Преловского (4 июля 1892 – 15 февраля 1938). А. В. Преловский перепечатал стихотворения трех авторов – своего отца, Имрэя и Е. И. Титова, прислав их с недатированным сопроводительным письмом⁵¹:

Василий Прокопьевич!

Вот Вам стихи, простите, что много склеек: напутал и исправился.

1. Все фотографии, о которых мы договорились, Медведев сделал и отдал в издательство. Кстати, он сказал, что издательство с ним рассчитается. Жаль, я бы сам с ним рассчитался, на еду денежек не хватает.

2. Еще одна просьба. Если будете публиковать стихи отца и Имрэя, то прошу ссылаться на то, что это – *из архива В. И. Преловского*. Это – просьба мамы.

Да, желаю Вам всего доброго, а фотографию, когда она Вам будет не нужна, перешлите по адресу: Иркутск, Черемховский переулок, дом 6/2, кв. 22. Нине Владимировне Преловской.

С уважением А.

Эти машинописные копии с правками А. В. Преловского, сделанными зеленой шариковой ручкой, включают подборку стихов В. И. Преловского и, отдельно от нее, материалы в обложке с надписью «Мих. Имрэй и Елп. Титов»⁵². Оригиналы хранились не у самого А. В. Преловского, а у его матери Нины Владимировны (1908–2001), после смерти которой семейный архив, судя по периодически всплывающим на аукционах материалам из него, безвозвратно рассеялся. Тем ценнее своевременно сделанные копии.

Василий Преловский

Сумерки

Морщится небо. Сумерки скоро
станут толпиться в оконный обрез.
О, не спешите преградою, шторы,
скрыть от меня заколдованный лес!

Меркнувший свет иссякает в извивах
улиц, застывших, как змеи, во сне.
Рдяные раны в стеклянных отливах
день еще лижет в закатном огне.

Выпита ясность из солнечной чаши,
мутный ее наполняет дурман.
Свет, как и люди, пред смертью краше.
Правит землей чародейный обман.

⁵¹ Конверт не сохранился. Поскольку впервые эти материалы были использованы только в [Трушкин, 1981], это письмо относится, скорее всего, уже ко второй половине 1970-х гг. Сам А. В. Преловский вспоминал: «Однажды меня поразила феноменальная память Василия Прокопьевича на стихи. Это было чуть ли не в 1970-х годах, когда я передал ему по его просьбе стихи своего отца для публикации в его обзорном очерке об иркутской «Барке поэтов» [Трушкин, 2001, с. 382].

⁵² При этом Е. И. Титов представлен единственным (и недатированным здесь) стихотворением «Paradies promised», опубликованным еще при жизни автора с датировкой «Август, 1920. Север Байкала, Ченчи» и с той же опиской в английском заглавии (Paradies вместо Paradise): [Титов, 1923, с. 12].

Архивные материалы и публикации

Тени домов стали чащею леса,
выходы к площади – просеки в нем.
Прыгает весело карлик-повеса,
плошки в ветвях расставляет с огнем.

Звуки задохлись под бархатной тьмою.
Тени за тенью скользят по пятам.
Кажется старая – бабой-ягою,
дряхлый прохожий – сродни колдунам...

Поступью козьей стройность девичья
чутко-сторожко под веткой мелькнет.
Звери непонятых, странных обличий
сонно снуют. Слышен птицы полет.

Вот разыгрались проворные гномы,
начали стеклышки в небо бросать.
Время покинуть свой угол укромный,
чтобы царевну в лесу разыскать.

*октябрь 1921*⁵³

Прапорщик В. И. Преловский (лето 1917 г.)
Ensign V. I. Prelovsky (summer 1917)

⁵³ На стихотворении приписка В. П. Трушкина (фактически черновик для его книги): «Какая-то удивительная отрешенность. Словно люди хотели забытья от потрясений своего бурного <продолжение на обороте листа:> времени в искусстве. Трудно сказать по их стихам, когда они написаны. Они напоминают искусство XVIII в.: стихи рококо. В них не чувствуется движения времени, хотя бы робкого. Как будто они не современники рождения нового мира», ср.: «В творчестве поэтов “Барки” поражает прежде всего какая-то удивительная разобщенность со временем, своей эпохой, полная отрешенность от него. Создается впечатление, что авторы всех этих изысканных и жеманных стихов хотели забытья в призрачных вымыслах искусства, уйти в них от суровой действительности, от потрясений своего века» [Трушкин, 1981, с. 30].

М. Имрэю

Все мне сказалося в единственном кличе:
«Ты должен идти».

В. Брюсов

Мой путь один и только прямо,
мне вместо рельс – меридиан.
Сшивает взор иглой упрямой
полотна неба разных стран.

Иду под лязг, звонки трамвая,
звон колоколен, шум лесов,
дорожной пылью покрывая
то лоск щиблет, то блеск плугов.

Не соблазняют бельма окон
моих спаленных ветром век.
Родной очаг и нежный локон
не остановят вольный бег.

Мой путь, как перстень, врезан в землю
упорной, резкой бороздой.
Я смерть свою на нем приемлю
под закатившейся звездой.

*май 1922*⁵⁴

Люблю в квадрате сонного окна
далекую звезду, как глаз живой, найти
и дни мои, как сверток полотна,
вновь разворачивать, отыскивать пути.

Ночь истекает тьмою в поздний час,
и тени по углам – рисунки древних Фив:
копытом бьет невзнузданный Пегас,
и одиночество звучит мне, как мотив.

Все радости земные ведал я.
Бог умер для меня, и я живу один –
над прошлым, настоящим бытия
и над грядущим днем бесправный властелин.

декабрь 1921

День все короче. Жизнь все уже.
И шире пасти старых ран.
Ночь в трауре. Без лунных кружев
к ней ходит лишь седой туман.

⁵⁴ Эпиграф – из стихотворения Брюсова «Женщинам» (1903).

Живу, как узник и в оковах.
Тоска – неспящий часовой.
Чеканный звук ночной подковы
не для меня и не за мной.

Падут заржавленные цепи,
распорет мглу клинка огонь,
рука свободы верность скрепит, –
когда оседлан будет конь.

ноябрь 1921

На всю жизнь один размер –
Ни больше, ни меньше, точен.

Мих. Имрэй
(Заколдованный круг, поэма)

Размеров для жизни – два.
Ни больше, ни меньше, и точны.
В одном – судьбы тетива,
В другом смерть по воле, нарочно.

Случайности взмах иль зла –
останется жизнь усеченной,
иль бритвой рука вела
вкруг шеи нить, кровью смоченной.

Размеры различны. Два.
Ни больше, ни меньше, и точны.
Туга судьбы тетива
и воли удар неотсрочный,

как гроб заколоченный.
сентябрь 1921⁵⁵

Бродяга

Лают собаки печально.
Умер ли кто иль убит?
В небе звезда погребально
будто как свечка горит.

Улицы пусты и мглисты –
люди не ходят впотьмах.
Свет в окнах тускло-лучистых
радует глаз их в домах.

Холодно. Грязно. Тоскливо.
Тьма позади, впереди.
Псы воют так сиротливо.
Сердце застыло в груди.

⁵⁵ Текст поэмы М. Н. Имрэя-Горина «Заколдованный круг», цитируемой в эпиграфе, сейчас неизвестен.

Город чужой. Жизнь чужая.
Лишний он всем, одинок.
Где же ты, даль голубая?
Где же твой зов, огонек?

Тихи дома, как гробницы.
Люди в них скоро заснут.
Быть ему здесь до зарницы –
в дом ведь бродяг не зовут.

Что он все ищет, что хочет? –
истины нет меж людей.
Днем над ним каждый хохочет,
в ночь – он во власти теней.

Лают собаки печально:
смерти почуяли лик.
Бродит по улицам тайна...
Не человек ли поник?

1921

Ушла. Умерла. Унесли.
В гробу уплыла, как в ладье.
И люди чужие ушли.
Осталась душа в жуткой тьме.

Любила. Ласкала. Ушла,
как утренний нежащий сон.
Любовь красиво цвела.
Зачем же обряд похорон?

Кто, кто там стучится в окно?
Ушла ведь она, унесли.
Стучит теперь всюду одно –
в гроб комья замерзшей земли.

Лежат предо мной два письма,
в них несколько ласковых строк.
В последнем есть траур – кайма
и тихий упрек – «не берег».

Я слышу духов аромат...
Она!.. Нет, то ладан кадил...
Врачи мне сказали, что яд.
Ушла... Унесли... Схоронил.

1921

Она прошла, как луч, скользнула
и скрылась быстро за углом,
и сердце слабое вздрогнуло
и околдовано уж сном.

Оно трепещет, радость бурна,
и светел стал вдруг свод небес.
Любви священнейшая урна,
как много ты таишь чудес!

Остановись же ты, мгновенье,
застынь, нить жизни оборви –
и кину я без сожаленья
соблазны пряные земли.

1914–1915

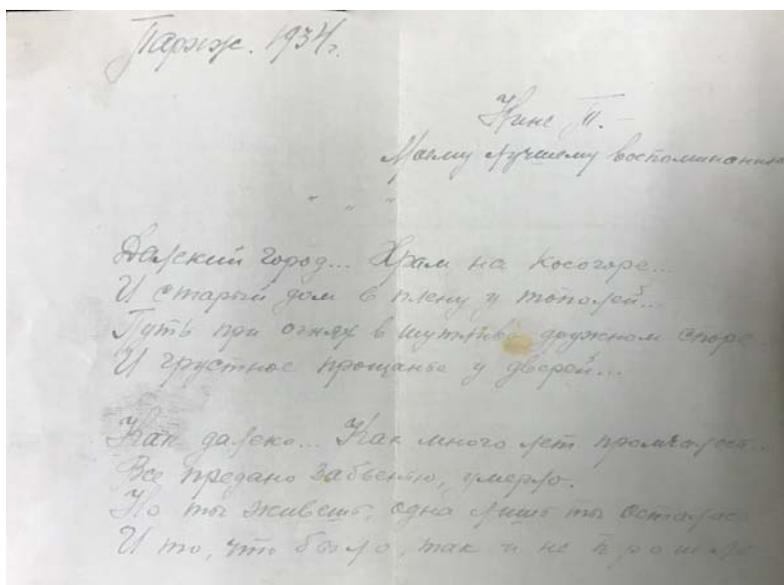
Лики города в зрачках поэта

Витрин дрожачие миражи
преображают день забот.
Моторы кинули гаражи,
как папиросы – грязный рот.

На мостовой, блистая спицей,
велосипеды шьют людей,
и позабытой древней птицей
летит пролетка средь камней.

И в перья страуса влюбленный
холодно-строгий котелок
внимательно и напряженно
перебирает лиц поток.

27 марта 1922⁵⁶

Автограф стихотворения В. И. Преловского (частное собрание, Иркутск)
V. I. Prelovsky autograph (private collection, Irkutsk)

⁵⁶ Карандашная помета В. П. Трушкина: «Дать одно название».

Последнее письмо

Н. Т.

Далекий город. Храм на косогоре.
И старый дом в плену у тополей.
Путь при огнях в шутивно-дружном споре.
И грустное прощанье у дверей.

Как далеко... Как много лет промчалось.
Все предано забвению, умерло.
Но ты живешь, одна лишь ты осталась,
и то, что было, так и не *прошло*⁵⁷.

Всегда с тобой... Иду ли я усталый,
горю ли над работой дорогой, –
не меркнет свет твой золотисто-алый,
мечта не обольщается *другой*.

Расплылись очертания столицы.
Звучит в костеле мерный, древний стих.
И все плывут, и все мелькают лица...
Нет твоего, не встречу глаз твоих.

И долгий путь по вековым аллеям.
Мне полнит сердце нежность и печаль
о ней, невозвратимой. И острее
одно я помню, и одно мне жаль:

Далекий город... Храм на косогоре.
Твой старый дом в плену у тополей.
И близко ты, тревожная, как море,
и одиночество у запертых дверей.

13 сентября 1923⁵⁸

Н. Т.

Пламенеет красный мак и манит
пленников без ласки и любви.
Алый бунт неотвратим, настанет
и расплавит цепи – бунт в крови.

⁵⁷ В оригинале выделенные слова даны разрядкой.

⁵⁸ Карандашная приписка В. П. Трушкина: «Уход в интимный мир. Все стихи очень субъективны», ср.: «Стихи Преловского подчеркнута субъективны, они замкнуты в мире сугубо интимных настроений» [Трушкин, 1981, с. 31]. Карандашный автограф этого стихотворения (частное собрание, Иркутск) имеет иное и необъяснимое с учетом датировки (в автографе она выглядит как «Василий П. / 13 (26) сентября 1923 г. / г. Иркутск») заглавие «Париж, 1934», – радикально меняющее всю его «оптику»: *далекий храм* оказывается базиликой Сакре-Кёр, а *косогор* – холмом Монмартр. Посвящение в автографе пространнее: «Нине Т. / Моему лучшему воспоминанию». Между строфами 4 («Расплылись очертания столицы») и 5 («И долгий путь по вековым аллеям») в автографе находится еще одна (однако перечеркнутая и с пометой «Исключено»): «Ах, пела радость в звоне колоколен / И сочталась с радостью моей... / Здесь гул машин и вечер обездолен / Раздором разделившихся церковей...».

Надо смелость. Надо быть простою,
вот как свет или чеканный стих.
Жизнь в цветах под мертвой высотой,
кто дерзает – достигает их.

24 сентября 1923

И давно не пишу я стихов,
не читаю любимых поэтов.
Мой огонь посреди лопухов
дым смешал с ароматами лета.

Жизнь беспечна моя и легка.
Я пою и лениво ворую.
Любо в небе пасти облака
или слушать, как плещутся струи.

В эту глушь никому не попасть,
только птицы сюда залетают.
Безначальные мысли и страсть,
словно дымы бесследные, тают.

Лишь порою, в ночи, в лопухах,
как лучом, меня город находит
паровозным гудком... И впотьмах
моя тень неприкаянно бродит.

25 июня 1922⁵⁹

Поэты⁶⁰

Барке поэтов
и А. Д. Мейссельману.

Спи, царица Спарты,
Рано еще, сыро еще.
Пастернак

В дремотной тьме стакана «Мокко»
мелькнули тени строгих муз,
и их дыханьем, как сирокко,
запаян круг непрочных уз.

И как одной колоды карты –
король и дама, туз, валет,

⁵⁹ Публиковалось ранее: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 31]. На машинописи рукою В. П. Трушкина приписано: «Полное отрешение от общественной жизни, уход в созерцание природы»; ср. по поводу этого же стихотворения: «Словно устав от потрясений века, герой обретает душевное равновесие лишь в общении с природой» [Трушкин, 1981, с. 31] и о «Барке» в целом: «Личный опыт современников революции и гражданской войны начисто выпал, оказался выключенным из их поэтического сознания. Уход в созерцание природы, в историю, во внутренний, интимный мир чувств, общественный индифферентизм определяют основную тональность и направленность лирики значительной части представителей “Барки поэтов”» [Там же, с. 30].

⁶⁰ Публиковалось ранее: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 29–30]. Адресат посвящения – участник «Барки...» Александр Давыдович Мейссельман (1900–1938). Эпиграф – из стихотворения Б. Л. Пастернака «Елене» (1917). Анжанбеман выделен подчеркиванием.

круженьем таинства Астарты
вошли в пасьянс – из слов балет.

Уже влюблен в «царицу Спарты»,
один ласкает локон строф.
Но дан приказ: «Пегаса к старту!» –
жизнь отошла под апостроф.

Блеснуло слово, как рапира,
надменный встретило сонет.
Губами алыми вампира
прильнул к груди стиха поэт.

Под красноватый отблеск лампы
сошлись масон, индус, матрос,
и в акварелях и в эстампах
тоска асфальтов, праздник роз.

Девичий трепет рифмы страстной
стремится в плен созвучных букв,
как стан, покорствующий властным
среди завистливых подруг.

А вдруг смущение. «Гидальго»
не мог найти желанных уст.
Так иногда под солнцем даль
горит сквозь потемневший куст.
23 апреля 1922

Тротуаров ветхих клавиши
медленно перебирает шаг.
Не скрипит уж снег растаявший,
скрывшийся стремительно в овраг.

Ног упругих четка переступь,
точно стук условленный в окно.
Мех оставлен только вереску.
Ветер грудь целует уж давно.

Ах, весною, в пляске золота
я – покрытый ржавчиной стилет.
Я люблю удары молота,
а сегодня – мил шагов дуэт.
10 апреля 1922.

Вечер простенький и серый
медлит свой до ночи бег.
Нет в мечтах моих Ривьеры –
дорог вечер, близок снег.

Пусть в пролет калитки узкий
тень знакомая мелькнет...
Кто-то мерзнет в серой блузке –
значит, любит, значит, ждет.

Как жена, постылым шагом
скука в комнату вошла,
равнодушная к бумагам,
тихим псом к ногам легла.

Сердце медленно и робко
поверяет скуки след.
Жизнь пустая лишь коробка –
без конфет... без конфет!

День проходит мимо, мимо.
Вечер близок, сер и прост,
стынет скукой нелюдимой,
как заброшенный погост.
декабрь 1921

Идет маленький человечек,
несет золотую куклу.
У нее пышные локоны
и туфельки – скорлупа.
А я старый и опытный,
все знаю за двадцать лет
и вижу – идет золотая кукла,
несет маленького человечка.
*30 апреля 1924*⁶¹

Она пришла, она минула
моя тридцатая весна,
и перед черным глазом дула
я вспенил прошлое до дна.

И взмахами холодной воли
на камни памяти моей
я бросил, словно камни в поле,
обломки отсверкавших дней.

Они неслись, звеня и тая,
в тумане небывалых стран.
Я был вожатым этой стаи...
Теперь среди костей – я вран.

И обвожу я вещим оком
иероглифы моих путей.
Ах, жадный я! не будет сроком
тридцатилетний юбилей!
17 (4) июля 1922

⁶¹ Опубликовано полностью, с опиской («И туфельки – скорлупы»): [Трушкин, 1981, с. 30]; с исправлением описки: [Трушкина, 2000, с. 3].

Михаил Имрэй

Фигурой Михаила Имрея (нередко подписывавшегося и «Имрэй») В. П. Трушкин интересовался очень давно⁶², а на полях одной из своих книг сделал запись «Имрей – псевдоним Горина Михаила Николаевича» [Трушкин, 1976, с. 208]⁶³, не указав источника этих сведений и нигде не приведя их печатно. Годы его жизни и судьба остаются неизвестными. Скорее всего, псевдоним взят по имени героя рассказа Киплинга «Возвращение Имрея» («The Return of Imray», 1891). Впервые подпись «Имрей / Имрэй» обнаруживается в газетах колчаковского Омска в феврале 1919 г.⁶⁴ В одной из рукописей Л. Н. Мартынова Имрей уверенно назван «мичманом», однако в справочном аппарате к фондам ЦГА ВМФ (где хранится документация колчаковского Морского министерства) подходящая фигура не обнаруживается.

Достоверно известно, что М. Н. Горин стал первым мужем Н. М. Подгоричани (тоже участницы «Барки»), которая официально носила фамилию «Подгоричани-Горина» гораздо дольше, чем продлился их брак, однако где он был заключен, в белом Омске или уже в Иркутске, неясно⁶⁵.

Пропуск в писательскую столовую на имя «Подгоричани-Гориной» (1931).

На внешней стороне тисненная надпись «Дом имени Герцена»
(домашний архив Б. С. Каплана, Москва)

A pass to the special dining room for Soviet writers (1931).

The owner name is indicated as “Podgorichani-Gorina”.

An embossed inscription on the cover: “Herzen’s House”

(B. S. Kaplan private archive, Moscow)

Помимо стихотворения в сборнике «Отзвуки», среди его печатных выступлений в Иркутске – псевдонекролог И. Славнину (причем в нем упомянуты «почти полгода» их знакомства, т. е. Имрей появился в Иркутске самое позднее в начале

⁶² См.: [Трушкин, 1967, с. 177, 179, 185; 1976, с. 211, 213, 222–223; 1981, с. 27, 33–36, 42, 11, 213, 222–223].

⁶³ На этой странице начинается цитата из псевдонекролога Славнину (в связи с ложным известием о его гибели), см.: *Имрэй М. Игорь Славнин // Власть труда (Иркутск). 1921. № 622 (528), 11 дек. С. 2.*

⁶⁴ Републикацию его омских стихов см.: [Поэзия Белой столицы, 2016, с. 145–147].

⁶⁵ Н. М. Подгоричани прожила в Иркутске до конца 1926 г. [Горнунг, 2019, с. 591], судя по датировке ее рукописного цикла «Сломанные куклы: стихи для детей» («4/1 ст. ст. 24 г. Жилкино»), – в левобережном предместье, тогда как Горин-Имрей, похоже, покинул Иркутск к концу 1922 г.

лета 1921 г.) и «Отрывки из поэмы “Красное с золотом”»⁶⁶; а в «самиздате» «Барки» – участие в коллективном рукописном сборнике «Февральские капли» (помимо «Имрея», в числе его авторов были А. И. Венедиктов, Е. И. Титов и Н. П. Шастина), о составе которого сейчас ничего не известно⁶⁷.

Как сообщала летом 1921 г. иркутская газета, «4-го июня на Запад по линии железной дороги из Иркутска выезжает труппа артистов в 12 человек, главным образом “Молодого театра” (8 чел.). Труппу отправляет по линии жел. дороги Линктран с инструктивно-показательными целями. В общем задачи труппы сводятся к налаживанию в разных пунктах по линии жел. дороги художественно-театрально-просветительной работы на местах, как то: постановка спектаклей, чтение лекций, организации клубной работы, организации и объединения культурно-просветительных кружков, организации массовых торжеств и проч. Имрей (поэт) и Мортягин будут читать лекции по истории и теории театра. Лекции будут демонстрироваться показательными уроками. ... Из Иркутска труппа направляется сначала в Тулун, но посетит кроме того Усолье, Зиму, Черемхово и Половину. Труппа будет передвигаться в особо оборудованных вагонах; один вагон для нее самой, другой для декораций и др. театрального имущества»⁶⁸.

Состоялось ли в действительности многократно откладываемое путешествие Имрея на Восток, над замыслами которого иронизировали его друзья по «Барке»⁶⁹, неясно⁷⁰. Но не позднее марта 1923 г. Имрей-Горин уже перебирается в Петроград, где живет как минимум до лета 1925 г. – к этому времени относится последнее из его известных писем В. И. Преловскому, где отправитель указан как «Михаил Имрэй. Адрес: Пантелеймоновская 4/16, кв. 14. М. Н. Горин»⁷¹.

Среди высланных в «кировском потоке», репрессированных, умерших в блокаде ленинградцев это имя не встречается нигде.

Пасьянс (поэма)

Нагорели витые свечи,
На розетках растут сталактиты.
Серебряный звон курантов
И шум дождя за окном.
Потрескивая, ложатся карты
В пестрый узор угрюмый.

⁶⁶ *Имрэй М.* Игорь Славнин // Власть труда (Иркутск). 1921. № 622 (528), 11 дек. С. 2; Великий Октябрь: Объединенный номер редакций газет «Власть труда» и «Красный стрелок» (Иркутск). 1922, 7 нояб. С. 3.

⁶⁷ [Гребенюкова, 2005, с. 184, 188]; не исключено, что это те самые привезенные А. И. Венедиктовым «сибирские стихи», которые упомянуты в дневнике М. А. Кузмина за 7 августа 1921 г.: «Умер Блок... А у меня беспокойство и желание видеть разных людей и все впечатление американского вечера и свободной жизни. Началось это с присылки сибирских стихов и Сани Венедиктова» [Кузмин, 1993, с. 475, 513].

⁶⁸ Артистическое турнэ // Власть труда (Иркутск). 1922. № 126 (765), 7 июня. С. 4.

⁶⁹ См.: [Шостакович, 2000, с. 29–30].

⁷⁰ В находящихся в частном московском собрании рукописях поэм Имрея «Томми и я» (1923) и «Вечер разлук» (1924?, незавершенная) упоминаются, среди прочего, «тихоокеанский мол» и июльские волны Амура, с берегов которого лирический герой отправляется по мандату в Петроград.

⁷¹ То же московское собрание. Фрагментарные воспроизведения двух из писем Имрея В. И. Преловскому см.: [Аукцион № 102..., 2018, с. 145].

Раскладывает пасьянс любимый
Усталый и бледный поэт.

А мне, умудренному знаньем,
Понятны глухие тайны,
Я вижу, что вас ожидает,
Что карты вам говорят.
Так утром желтеют звезды
И ветер холодный тихнет,
Так солнце пылит, золотеет,
Садясь за зеленой волной.

Семерка треф – встреча.
Желтеют дорожки парка,
Бегут в переплете веток.
И солнце бьет сквозь деревья,
Сплетая в траве узор.
Здесь много скрытых беседок,
Укромных зеленых приютов,
Где можно совсем незаметно
Растаять ночи и дни.

Где маки в траве, как пламя,
Где розовый шарик пионов,
На трость опираясь, гуляет
Бледный, тонкий поэт.
А за хозяином следом,
Серьезно в стороны глядя,
Идет, головой качая,
Серый серьезный бульдог.

Она вышла из поворота,
Минута – в его объятьях.
А дальше?.. Дорожки парка
Запутанный лабиринт.
Так много зеленых приютов,
Укромных, тенистых беседок.
Сердито в траве один бродит
С лицом старика бульдог.

Восьмерка червей – поздравленье.
Сегодня карты удачны.
В одиннадцатый раз все побиты.
– Маркиз, вам Фортуна смеется –
Лукаво, как женщина. Но...
В темной гостиной далекой
Чуть слышен напев менуэта.
Беседе никто не мешает;
Ширмы, драпри, ковры.
Нельзя целоваться так пылко,
Нельзя целоваться так долго,
Желания тела всеильны,
Нетерпеливы и злы.

В ширмах китайских шелка,
А в шелке глаза шпиона.
Шпионы всегда гениальны,
Находчивы и ловки.
Назавтра маркиз получит
Письмо в голубом конверте,
Где встреча указана точно
Поэта с его женой.
Ну, что же! Вот вам и деньги –
Улыбка лукавой богини

Девятка трэф – знание.
Маркиз бродил в парке долго,
Искал влюбленных упорно,
Но в длинных аллеях тихо.
И гладкий песок молчит.
Он вдруг их увидел далеко.
Они шли, нежно обнявшись,
И скоро из глаз пропали
В зелени веток густых.
Он бросился вслед – не догнал.
Так много скрытых приютов,
Укромных зеленых беседок,
Где можно совсем незаметно
Растаять ночи и дни.

О, страшные карты пики –
Девятка, десятка и туз.
Ранние зори туманны,
Ранние зори холодны.
Они на опушке леса
В мягких пушистых плащах.
– Десять шагов. Начинайте!..
Раз. Два. Три.
Выстрел. Убит наповал.
И мчатся храпящие кони,
Мертвое тело в карете почую.
Бедный поэт.

- * -

Нагорели витые свечи
На розетках <-> Сьера Невады.
Поэт, откинувшись в кресле,
Нюхает французский табак.
Ему мое знание не нужно.
И он прорицать не любит.
Разложил он пасьянс старинный,
Чтоб вечернее время убить.
Сейчас куранты прозвонят полночь,
Старый лакей откроет двери

И громко: «Пожалуйте, сударь,
Ужин давно готов»
Ново-Николаевск, 1920⁷²

Не вернуть прошлого,
Прошлого не вернуть.
Снова я одинок
И изломлен мой путь.

Не повторить прошлого,
Прошлого не повторить.
Значит, не нужно о нем
Даже говорить.

Из цикла «Кровавая нежность»

Вам страшен гильотины скрежет,
Последний всхлип и липкий пот.
Удары стали реже, реже, <-->
Синея близко, сталь ползет.

Уж капеллан потупил очи,
Рукой дрожащей крест творя,
И жутко в тишине хохочет
Солдат с ружьем у фонаря.

Как ночью с колокольни гулко
Часов отзвон ползет в окно.
Отдался в дальних переулках
Храпящий выхруст позвонков.

И с дробным стуком с плах подмостков
В мешок скатилась голова.
Фонтаном факельным выхлестывал
Из шеи красный, кислый квас⁷³.

⁷² Впервые опубликовано (без существенного для реконструкции биографии автора упоминания Новониколаевска в датировке): [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 17–21]. *Сьер<р>а Невады* – буквально «заснеженные горы» (*исп.*), ср. с мотивом снега в омском стихотворении Имрея «Сибирь (“Белые змеи по улицам стелятся...”» (1919; републ.: [Поэзия Белой столицы, 2016, с. 145]. На первом листе карандашная помета В. П. Трушкина: «В 1920 – изысканная поэма “Пасьянс<”> о любви поэта к жене маркиза, об укромных аллеях парка», ср.: «В 1920 году, находясь в Новониколаевске, только что освобожденном от колчаковцев, Михаил Имрей пишет изысканную поэму с характерным названием “Пасьянс”, в которой рассказывается о любви лирического героя к жене маркиза, об укромных аллеях задумчивого парка и пр. Для него жизнь тоже все та же игра, “пасьянс”, все тот же смешной нелепый маскарад» [Трушкин, 1981, с. 33].

⁷³ Впервые опубликовано еще при жизни автора: [Отзвуки, 1921, с. 7]. Ср.: «Налет эстетизма лежит на стихах и других авторов сборника <“Отзвуки”> – Александра Мейсельмана, Андрея Шостаковича, Маргариты Третеской. Андрей Шостакович так же, как и Михаил Имрей, обращается к теме французской революции и опять-таки воспринимает ее только через образ гильотины» [Трушкин, 1967, с. 180; 1981, с. 36]. Еще один участник «Барки», недавний секретарь колчаковского премьера А. И. Венедиктов (1896–1970), проведший февраль-август 1920 г. в иркутской тюрьме, легализовал аналогичную тему в своем

Под глухие шаманские бубны
И юродивый клик полей,
Я знаю, вам будет трудно
Голоса слушать флейту.

Вы – бульваров и комнат жители,
Для вас ли крест моих песен?
Вы причесанных строчек хотите,
Уложенных в клеточки тесные.

Я был диким и диким буду,
Простором зеленым венчанный,
А язык мой – шаманский бубен
Гроыхать удало бубенчиками.

Осенний день туманно-серый
Смотрелся в потное стекло,
И через плотные портьеры
Унынье медленно текло.

Я вышел в сад, где мертво никли
Мои последние цветы,
И тления желтевший лик
Был нагло-девственно открыт.

И оттого, что день осенний
Был тускл, туманен и жесток,
В груди копился хлипкий весь
Тугой и слизистый комок.

Панели отравили тело
И дали нервам жадный бег.
Цветам я радуюсь несмело,
Сухой, культурный человек.

Мой путь отмечен лентой желтой
Измен, предательств и любви,
А бритый по-английски чорт
Не устает шептать: ««Люби...
Люби просторы, резкость пятен.
Не для тебя оковы пут»...
И этот шепот мне понятен,
И я иду, всегда иду.
Быть может, лишь в глазах раскосых
Мгновенной устали испуг.
Но снова в зубы папираса –
И только ветер верный друг.

стихотворении «По плитам каменным двора...» (1921) упоминанием «узников Ван-Гога», см.: [Мы уйдем, мы исчезнем, потонем..., 2000, с. 15].

Отрывки⁷⁴

Осенний день туманно-серый
Смотрелся в потное стекло,
И через плотные портьеры
Унынье медленно текло.
.....

До глаз надвинул кэпи.
В темноте пропели автомобили.
Ветер холодный крепнет,
Телеграфные струны пилит⁷⁵.

Красная труба (в окне напротив)
Бросает черную дыма гарь.
В серой комнате, в серой дремоте
Мой мозг – потухший фонарь.
Жалко выбрасывает слова мертвые
Деревянный человеческий язык.
Скучно. Половина четвертого.
Привык.

Из «Песен асфальта»

Они думают: он тоненький,
Легко сломить пополам.
А я встану в гремящем звоне –
Сатана.

Силой упругой воли
Сжимаю мысли в кольцо.
Я один среди сжатого поля
С бесконечно спокойным лицом.

В тишине каменеющей комнаты
Бритву стиха точу,
Слушая жизни гомон
Через окно, чуть-чуть.

Из «Песен асфальта»

Я пришел неизвестно откуда
И иду неизвестно куда;
Магомет, Христос или Будда
Тянут жизни моей провода.

⁷⁴ Это поясняющее заглавие вписано А. В. Преловским зеленой ручкой. Первый из отрывков – начало стихотворения, уже помещенного выше полностью.

⁷⁵ Фрагмент из стихотворения, вошедшего в машинописный «Отчетный сборник стихов группы иркутских поэтов на 1921 год» (см. приложение 3).

И какая из женщин России
Ночью пела мне, пела грехи,
Не расскажут об этом красивые
Изломанные стихи.

А лицо холодно-спокойное,
Папироза в углу рта.
Никого нет рядом со мной
И некому сказать «брат».

Серебром отпадает полуда –
Из сердца стихов аромат.
Я пришел неизвестно откуда
И уйду неизвестно куда.

Я не могу, как раньше, просто
Вам тихие слова сказать.
Угрюмой тенью Алконоста
Испуганы мои глаза.

Я как актер в привычной роли,
Играю плоский, желтый фарс,
И с криком выдуманной боли
Стихов нанизываю гарус.

И от подошв до смуглой шеи,
От глаз до кончика ногтей,
Меня искусно сшили швеи –
Пороки мерзостных страстей.

Я не могу, как прежде, нежно
Сказать простые Вам слова –
Меня зовут глухие межи,
Где чистых мне не целовать ⁷⁶.

Приложение 3 ⁷⁷

Шарманка

За окном надрывается, хрипит шарманка,
Попугай вынимает бумажное счастье.
А в душе у меня тоскливая ранка
И потерял над собою власть я.

Сжал виски, прошелся по комнате,
Выбросил за окно монету,
Написал: «Если Вы помните,
Заходите к скучному поэту<>>».

⁷⁶ Карандашная приписка В. П. Трушкина: «Вот начало другого его стих-ия», ср. «Вот начало другого его стихотворения, обращенного к любимой женщине:» [Трушкин, 1981, с. 33].

⁷⁷ Первые три стихотворения – из машинописного «Отчетного сборника стихов группы иркутских поэтов на 1921 год», находившегося у Б. С. Шостаковича.

Позвонил. Отправил с посылным
И вдруг стало безнадежно тоскливо
Сделался таким безсильным
И совсем не красивым.

До глаз надвинул кэпи,
Нехотя поцедил: «Прощайте»,
И туда, где город лепит
Витрин узоры, ушел.

Щелкают по камням копыта,
На минуту блестит лак пролетки.
Горький осадок не смывает,
Хмелит противнее водки.

До глаз надвинул кэпи,
В темноте пропели автомобили,
Ветер холодный крепнет
Телефонные струны пилит.

А. Д. Мейсельман<у>

Над резною дверью трудясь,
Четвертый ломаю ключ.
Скажите, Сиятельный Князь
Весенних и нежных созвучий –

Зачем здесь – в Стране Снегов
Излом ваших тонких бровей.
Палаццо Несбыточных Снов –
Хинганского снега белей.

Вам нужно в кафэ Шанхая
Причалить стихов эскадрильи,
Левой рукою ломая
Желтых бисквитов крылья.

Или в Империи Нежности,
Вечером, отпустив боя,
Смаковать какао небрежно
И дурманную сладость левкоя<,>

Смотря с террасы висящей
Черныя иглы лодок
И китайца, который тащит
В колясочке бледного лорда.

Вас инеем снег замедает,
На щеках дрожат лепестки.
Фальшивым ключом открываю
Двери резных тоски⁷⁸.

⁷⁸ Впервые опубликовано: [Трушкина, 2000, с. 1].

Проплывали безшумно и строго
Лунатиков бледныя лица –
Желтому Богу молиться<,>
Лунному желтому Богу.
Карниз под крышею узок.
Незрячи глаза закрытые.
Тяжелый навис груз –
Глаз не открыть.
А утром плакался дождик,
Из тумана оркестр медный
Печальный играл марш.
Я тихо сказал: «Боже,
Зачем обижаешь бедного
Поэта даже?»
И потом стало скучнее еще,
Смерть притворилась старушкой.
Только Вы опустите грошик
За душу мою в церковную кружку.

Иркутск
11 мая 1921 г.⁷⁹

Список литературы

Александр Блок: Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В. Н. Орлова. М., 1979. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. 644 с.

Алякринский, Сергей. Кактусы: Вторая брошюра стихов. М.: Тип. В. Копылова и М. Дмитриева, 1912. 64 с.

Арнольдов Л. В. Жизнь и Революция: Гроза пятого года; Белый Омск. Шанхай: Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камкина, 1935. 278 с.

Аукцион № 102: Редкие книги, рукописи, автографы, фотографии, плакаты и открытки. 19 апреля 2018 года. М.: Аукционный дом и художественная галерея «Литфонд», 2018. 214 с.

Белая лира: антология поэзии Белого движения / Сост. В. В. Кудрявцев. Смоленск: Русич, 2006. 608 с.

Блок и «молодые поэты» / Публ. и коммент. Р. Д. Тименчика // Александр Блок: новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. / Отв. ред. И. С. Зильберштейн, Л. М. Розенблюм. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 549–556.

Венедиктов А. Мэри из Владивостока // Литературная мысль. II. Пг.: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1923. С. 73–79.

Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи, рецензии, письма / Сост., подгот. текста и примеч. М. Котовой, С. Зенкевича, О. Лекманова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 332 с.

Горнунг Л. В. «Свидетель терпеливый...»: дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т. Ф. Нешумовой. М.: АСТ, 2019. 761, [7] с.

⁷⁹ Впервые было опубликовано как факсимиле рукописного автографа с печатью «Барки поэтов»: [Трушкина, 2000, с. 2].

Трушкина А. В., Нехотин В. В. Иркутская «Барка поэтов» в архиве В. П. Трушкина

Гребенюкова Н. П. «Я сын земли, давно забытой Богом...»: Судьба и поэтическое творчество Е. И. Титова (1896–1938) // Зап. Гродековского музея. Хабаровск: Гос. музей Дальнего Востока им. Н. И. Гродекова, 2005. Вып. 10: Сподвижники В. К. Арсеньева: Елпидифор Титов. Часть 2: Материалы о жизни и творчестве Е. И. Титова. С. 183–188.

Из писем Е. И. Титова [В. М. Блюменфельду] / Публ. Е. Г. Подборновой // Сибирь (Иркутск). 2009. № 334/1. С. 194–208.

Кузмин М. А. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 13. С. 457–524.

Минаев Н. Н. Нежнее неба: Собрание стихотворений / Сост., послесл. и коммент. А. Л. Соболева. М.: Водолей, 2014. 848 с.

Мы уйдем, мы исчезнем, потонем...: Сборник стихотворений. Серия «Барка поэтов» / Сост. В. Наumenко. Иркутск: Изд. ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2000. 56 с.

Оболенская (Хабиа) Н. П. Собрание стихотворений / Изд. подгот. А. Ю. Галущкин, В. В. Нехотин. М.: Совпадение, 1997. 144 с.

Отзвуки: сборник в пользу голодающих / Литературный Подотдел Иргубполитпросвета. Иркутск: Государственное издательство. Иркутское отделение, 1921. [4], 53 с.

Поэзия Белой столицы: стихи поэтов Омска 1918–1919 / Отв. ред. И. Г. Девятьярова. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», Омский региональный общественный фонд «Духовное наследие», 2016. 352 с.

Поэты третьей столицы / Публ. Ю. П. Зародовой // Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 618–675.

Славнин И. Переключка: Стихи / Сост. и предисл. В. П. Трушкина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 44 с.

Славнин И. Стихи. Поэма / Публ. и коммент. В. П. Трушкина // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. Т. 1. С. 149–170.

Титов, Ельп. Стихотворения (1918–1922 гг.). Иркутск: 1-я Гос. тип., 1923. 32 с.

Третья столица. Омск. 1918–1919 годы. Изобразительное искусство. Литература / Отв. ред. И. Г. Девятьярова. Омск: Омскбланкиздат, 2011. 116 с.

Трушкин В. П. Друзья мои...: Из дневников 1937–1964 годов. Очерки и статьи. Из альбома «Нефтефлот литературы». Воспоминания о В. П. Трушкине / Сост. А. В. Трушкина. Иркутск: Изд. Сапронов Г. К., 2001. 448 с.

Трушкин В. П. Игорь Славнин – поэт революции // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. Т. 1. С. 133–148.

Трушкин В. П. Из пламени и света: Гражданская война и литература Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 368 с.

Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. [Иркутск:] Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 312 с.

Трушкин В. П. Литературный Иркутск. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 352 с.

Трушкина А. В. От «Барки» до барака... Из истории иркутской модернистской поэзии // Зеленая лампа: Ежемесячная газета работников культуры и искусства Иркутской области. 2000. Декабрь. № 12 (23). Литературный разезд (вкладка со своей пагинацией). С. 1–4.

Устрялов Н. В. Белый Омск: Дневник колчаковца / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. В. Смолина // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1991. № 2. С. 283–339.

Шостакович А. В. Гаснущий терем: Стихи / Сост. В. Наumenко. Иркутск: Изд. ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2000. 44 с.

«Я люблю Вашу прозу и корявый склад мысли...» (Письма Е. И. Титова В. М. Блюменфельду) // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2008. Вып. 21. С. 104–121.

Архивы

Домашний архив В. П. Трушкина
Исторический архив Омской области (ИАОО), Омск
Отдел рукописей ИМЛИ РАН, Москва
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва

A. V. Truskina ¹, V. V. Nekhotin ²

¹ *Independent Research*
Moscow, Russian Federation

² *A. M. Gorky Institute of World Literature RAS*
Moscow, Russian Federation

Irkutsk Group “Barque of Poets” in V. P. Trushkin Private Archive

The publication contains materials from a private archive compiled by Vasiliy Prokopyevich Trushkin (1921–1996), a professor at the University of Irkutsk, who studied Siberian literature of the early 20th century.

Some unknown texts by four poets of the 1920s are published for the first time now. These are Igor Slavnin (1898–1925), Sergey Alyakrinskiy (1889–1938), Vasiliy Prelovskiyy (1892–1938), and Mikhail Imray (Gorin; dates of his life remain unknown).

All of them were members of Irkutsk literary group “The Barque of Poets”, which in fact was an institution for adapting pre-revolutionary Russian modernism to new realities of the early Soviet era.

Keywords: Siberian poetry, poets of the 1920s, private archives, literary group, “The Barque of Poets” (Irkutsk), Igor Slavnin, Sergey Alyakrinskiy, Alexander Blok, Vasiliy Prelovskiyy, Mikhail Imray, Russian modernism, Vasiliy Trushkin, University of Irkutsk.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-198-256

References

Aleksandr Blok: Perepiska. Annotirovannyj katalog [Aleksandr Blok: Correspondence. Annotated register]. Ed. by V. N. Orlov. Moscow, 1979, iss. 2: Pis'ma k Aleksandru Bloku, 644 p. (in Russ.)

Alyakrinskiy, Sergej. Kaktusy, Vtoraya broshyura stikhov [Cacti: the second book of poems]. Moscow, V. Kopylov and M. Dmitriev Publ., 1912, 64 p. (in Russ.)

Arnoldov L. V. Zhizn' i Revolyutsiya: Groza pyatogo goda; Belyj Omsk [Life and Revolution: Thunderstorm of 1905; White Omsk]. Shanghai, A. P. Malyk and V. P. Kamkin Publ., 1935, 278 p. (in Russ.)

Auktsion № 102: Redkie knigi, rukopisi, avtografy, fotografii, plakaty i otkrytki. 19 aprelja 2018 goda [Auction No. 102: Rare books, manuscripts, autographs, photographs, posters and postcards. April 19, 2018]. Moscow, Auktsionnyj dom i khudozhestvennaya galereya “Litfond”, 2018, 214 p. (in Russ.)

Belaya lira: antologiya poezii Belogo dvizheniya [White Lyra: an anthology of the White poetry]. Comp. by V. V. Kudryavtsev. Smolensk, Rusich, 2006, 608 p. (in Russ.)

Blok i «molodye poety», publ. i komm. R. D. Timenchika. In: Aleksandr Blok: novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy

- i issledovaniya: V 5 kn. [Alexander Blok: new materials and studies. Literary heritage. Vol. 92]. Eds. I. S. Zilbershtein, L. M. Rozenblum. Moscow, Nauka, 1987, book 4, p. 549–556. (in Russ.)
- Gornung L. V. «Svidetel' terpelivyj...»: dnevniki, memuary [“The Patient Witness...”: diaries, memoirs]. Prep., intr., comment. by T. F. Neshumova. Moscow, AST Publ., 2019, 761, [7] p. (in Russ.)
- Grebenyukova N. P. «Ya syn zemli, davno zabytoj Bogom...»: Sud'ba i poeticheskoe tvorchestvo E. I. Titova (1896–1938). In: Zapiski Grodekovskogo muzeya. Khabarovsk: Gosudarstvennyj muzej Dal'nego Vostoka im. N. I. Grodekova, 2005, iss. 10: Spodvizhniki V. K. Arsenieva: Elpidifor Titov. Part 2: Materialy o zhizni i tvorchestve E. I. Titova [Transactions of the Grodekov Museum 10-2], p. 183–188. (in Russ.)
- Iz pisem E. I. Titova [V. M. Blumenfeldu]. Publ. by E. G. Podbornovaya. *Sibir' [Siberia]* (Irkutsk), 2009, no. 334/1, p. 194–208. (in Russ.)
- Kuzmin M. A. Dnevnik 1921 goda [Diary, 1921]. Publ. by N. Bogomolov and S. Shumikhin. In: Minuvshee: Istoricheskij al'manakh. Moscow, St. Petersburg, Atheneum, Feniks, 1993, iss. 13, p. 457–524. (in Russ.)
- Minaev N. N. Nezhnee neba: Sobranie stikhotvorenij [More gentle than the sky: collected poems]. Comp., comment. by A. L. Sobolev. Moscow, Vodolej, 2014, 848 p. (in Russ.)
- My ujdem, my ischezem, potonem...: Sbornik stikhotvorenij [We'll leave, we'll dissolve, we'll drown...: Collection of poems]. Comp. by V. Naumenko. Irkutsk, OGUP “Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1”, 2000, 56 p. (Series “Barka poetov”) (in Russ.)
- Obolenskaya (Khabias) N. P. Sobranie stikhotvorenij [Collected poems]. Prep. by A. Yu. Galushkin, V. V. Nekhotin. Moscow, Sovpadenie, 1997, 144 p. (in Russ.)
- Otvzuki: sbornik v pol'zu golodajushhij [Echoes: a collection in favor of the starving]. Literaturnyj Podotdel Irgubpolitprosveta. Irkutsk, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, Irkutskoe Otdelenie, 1921, [4], 53 p. (in Russ.)
- Poety tret'ej stolitsy, publ. Yu. P. Zarodovoy. In: Vsevolod Ivanov. «Bronepoezd 14-69»: Konteksty epokhi [Vsevolod Ivanov. Armored Train 14-69: Contexts of the Epoch]. Moscow, IMLI RAN, 2018, p. 618–675. (in Russ.)
- Poeziya Beloy stolitsy: stikhi poetov Omska 1918–1919 [Poetry of the White Capital: poets of Omsk 1918–1919]. Ed. by I. G. Devyatiarov. Tobolsk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond “Vozrozhdenie Tobol'ska”, Omskij regional'nyj obshchestvennyj fond “Dukhovnoe nasledie”. Tobolsk, 2016, 352 p. (in Russ.)
- Shostakovich A. V. Gasnushhij terem: Stihy [Fading Tower: Poems]. Comp. by V. Naumenko. Irkutsk, Izdanie OGUP “Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1”, 2000, 44 p. (in Russ.)
- Slavnin I. Pereklichka: Stikhi [Roll Call: Poems]. Comp., intr. by V. P. Trushkin. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970, 44 p. (in Russ.)
- Slavnin I. Stikhi. Poema. Publ. and comment. by V. P. Trushkin. In: Literaturnoe nasledstvo Sibiri. [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969, vol. 1, p. 149–170. (in Russ.)
- Titov, El'p. Stikhotvoreniya (1918–1922 gg.) [Poems (1918–1922)]. Irkutsk, 1-ya Gos. Tip., 1923, 32 p. (in Russ.)
- Tret'ya stolitsa. Omsk. 1918–1919 gody. Izobrazitel'noe iskusstvo. Literatura [The Third Capital. Omsk 1918–1919. Art. Literature]. Ed. by I. G. Devyatiyarova. Omsk, Omskblankizdat, 2011, 116 p. (in Russ.)
- Trushkin V. P. Druz'ya moi...: Iz dnevnikov 1937–1964 godov. Ocherki i stat'i. Iz al'boma «Nefteflot literary». Vospominaniya o V. P. Trushkine [My friends...: From the 1937–1964 diaries. Essays and articles. From the “Literary Oil Fleet” album. V. P. Trushkin in memories]. Comp. by A. V. Trushkina. Irkutsk, Saponov G. K. Publ., 2001, 448 p. (in Russ.)
- Trushkin V. P. Igor' Slavnin – poet revolyutsii. In: Literaturnoe nasledstvo Sibiri [Literary Heritage of Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969, vol. 1, p. 133–148. (in Russ.)
- Trushkin V. P. Iz plameni i sveta: Grazhdanskaya vojna i literatura Sibiri [Of flame and light: Civil war and Siberian literature]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, 368 p. (in Russ.)
- Trushkin V. P. Literaturnaya Sibir' pervykh let revolyutsii [Literary Siberia in the first post-revolutionary years]. [Irkutsk], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, 312 p. (in Russ.)

Архивные материалы и публикации

Trushkin V. P. Literaturnyj Irkutsk [Literary Irkutsk]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981, 352 p. (in Russ.)

Trushkina A. V. Ot «Barki» do baraka... Iz istorii irkutskoj modernistskoj poezii. *Zelenaya lampa: Ezhemesyachnaya gazeta rabotnikov kul'tury i iskusstva Irkutskoy oblasti* [Green lamp: Monthly newspaper of culture and art in the Irkutsk region], 2000, Dekabr', no. 12 (23), Literaturnyj razjezd (vkladka so svoej paginatsiej), p. 1–4. (in Russ.)

Ustryalov N. V. Belyj Omsk: Dnevnik kolchakovtsa. Prep., intr., comment. by A. V. Smolin. *Russkoe proshloe: Istoriko-dokumental'nyj al'manakh* [Russian past: Historical and documentary almanac], 1991, no. 2, p. 283–339. (in Russ.)

Venediktov A. Meri iz Vladivostoka. In: Literaturnaya mysl' [Literary Thought], II. Petrograd, 1923, p. 73–79. (in Russ.)

Vladimir Narbut. Mikhail Zenkevich. Stat'i, retsenzii, pis'ma [Articles, reviews, letters]. Comp., prep., notes by M. Kotova, S. Zenkevich, O. Lekmanov. Moscow, IMLI RAN, 2008, 332 p. (in Russ.)

«Ya lyublyu Vashu prozu i koryavyj sklad mysli...» (Pis'ma E. I. Titova V. M. Blumenfeldu). In: Zapiski Grodekovskogo muzeya [Transactions of the Grodekov Museum]. Khabarovsk, 2008, vol. 21, p. 104–121. (in Russ.)

Archives

Domashniy arkhiv V. P. Trushkina [Private archive of V. P. Trushkin heirs]
Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical archive of the Omsk region], Omsk
Otdel rukopisey IMLI RAN [Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Manuscript Department], Moscow
Rossiiskiy gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [The Russian State Archive of Literature and Arts], Moscow

Anna V. Trushkina – PhD (Philology), Independent Researcher (Moscow, Russian Federation, annatrushkina@gmail.com)

Vladimir V. Nekhotin – PhD (Philology), Senior Research Fellow (Literary Heritage sector), A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (25A Povarskaya Str., nehotin@gmail.com)